

● АДСКАЯ ДОРОГА „ТАШКЕ – ТАВАКСАЙ“
19 ДНЕЙ И НОЧЕЙ, 3,5 ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ НЕМЫСЛИМЫХ МУЧЕНИЙ
ДНЕВНИК НАРИМАНА КАЗЕНБАША

Адская дорога. Ташке – Таваксай: 19 дней и ночей, 3,5 тысячи километров невыносимых мучений.

Автор: Нариман Казенбаш

Иллюстрации: Дима Красный

© Все права защищены. Полное или частичное воспроизведение материала разрешено только при указании источника.

КрымSOS, 2020

Эльвида, Нариман агъамыз...

12-февральде шевкъатсыз олюм арамыздан джесюр, мераметли ве эр кеснинъ къайгысыны чеккен инсан, акъикъий ватанпервер, аджайып дост, фааль джемаатчы, яшы 86-гъа чевирильген олса да, озюни, дерсинъ, дерди ёкъ, къырджыман йигит киби туткъан Нариман агъа Казенбашны чекип алды.

Даа эки-учъ ай эвельси о, Къырымтатар дженк ве эмек ветеранлары джумхуриет тешкилятынынъ реиси оларакъ джемаат ишлеринен огърашып, тендюрист юришинен, озюне хас олгъан муляйым сесинен, лаф эткенде йымшакъ сёзлерни тапып, думанлы козлюклерини йылтыратып, эпимизге – ич бир насиатсыз меслеат, ич бир шартсыз умют берип юре эди.

Сонъки черик асыр ичинде оны янымызда олгъанына пек алышкъанмыз, сьджакълыкъ, гонъюльдешлик сачкъан нуткъыны даима беклегенмиз, къуванчлы, самимий кулькюсини бегенгенмиз экен. Базы инсанлар ичюн: онынъ ерини кимсе толдурмаз, дегенде – иште, Нариман агъа киби шахслар козьде тутулгъан. Бу себептен джоюгъымыз пек агъыр.

Йигирми йылдан берли матбуатымызда «Сагълыкъ темели», «Советы табиба» ве башкъа рубрикалар астында Нариман Казенбашнынъ чокъ бинъ ватандашларымызгъа

адресленген ве тесирли шифа багъышлагъан юзлернен тевсиелери дердж олунгъан эди.

Невбеттеки ойле тевсиеси вефат этмесинден эки кунъ эвель «Къырым» газетинде чыкъты. Нариман агъа энди янымызда ёкъ, амма онынъ меслеатлары даа бир къач вакъыт чыкъып, халкъымызгъа файда кетиреджектир.

О, бир сыра чокъ эмиетли ве меракълы, анасы, бабасы ве дженк, гизли арекет акъкъында икяе эткен хатырлавларнынъ муэллифидир. Бу язылар сырасында 2012 сене октябрь айында кене де «Къырым»да басылгъан онынъ «Адская дорога» адлы кунъделиги – 18-майыс миллий фаджиамызгъа озьгюн, текрарланмаз, дестандан да кучьлю сёз абидесидир. Даа догърусы, чокъ муим ве бойле шекильде, тезссюф ки, екяне весикъалы шаатлыкътыр.

Иншалла, Нариман агъанынъ бу малъземелер эсасында китап чыкъармакъ арзусы 18-майыскъадже биз, онынъ достлары ве къардашлары тарафындан керчеклештирилир.

Нариман агъа Казенбаш бу фаний дюнъяны терк эткени мунасебетинен онынъ чокъ йыллыкъ омюр ёлдашы Февзие аптеге, дигер якъынларына терен тазиемизни бильдиремиз ве джумлесине баш сагълыкъы тилеймиз.

Алла рахмет эйлесин.

Бутюн сафдашлары, достлары, Къырымтатар дженк ве эмек ветеранлары джумхуриет тешкилятынынъ азалары, «Къырым» газетининъ хадимлери ве окъуйджылары адындан Бекир Мамут.

«Къырым», 2016 с., 17-февраль¹.

¹ Перевод слова редактора в приложении стр.

Содержание

	<u>3</u>
Несколько слов о нашей семье	
	<u>6</u>
Первое поручение	
	<u>7</u>
Ходка на Тамань	
	<u>8</u>
Неожиданные встречи	
	<u>9</u>
Послесловие к «Встречам»	
	<u>10</u>
Под надзором Алуштинской полиции	
	<u>11</u>
Добровольцы: как это было	
	<u>13</u>
Адская дорога	
	<u>40</u>
А в это время... (герои войны)	
	<u>46</u>
Благодарность (слова благодарности)	
	<u>47</u>
Приложение	
	<u>48</u>
Перевод вступительного слова редактора	

Несколько слов о нашей семье

Мой отец Осман Джафер оглы Казенбаш, родился в 1907 г. в Алуште. Участник трех войн: непонятной, но весьма кровопролитной Финской кампании, страшной войны с фашистской Германией и скоротечной войны с Японией. Гвардии майор. На момент депортации всего крымскотатарского народа и нашей семьи, в частности, он воевал с фашистами. Прошёл Польшу, Венгрию, Австрию, участник штурма и взятия Берлина.

После демобилизации в 1946 году вернулся в г. Симферополь в надежде встретится с семьёй. Его однополчане и бывшие довоенные друзья по работе в органах МВД рассказали о той страшной трагедии, которая произошла с крымскотатарским народом.

Может быть они же, но это уже самые доверенные, видимо из чувства вины перед ним лично, рассказывали также о том, что до него в Крым, в Симферополь, приезжали сокрушители германской военной машины из числа крымских татар, большей частью офицеры, в том числе старшие, и требовали возврата обратно в Крым свои насильственно выселенные семьи, своих близких. Их, человек 15-20, под разными обещаниями уговорили сесть в автобус (его тогда называли «коробочка») и увезли в неизвестном направлении.

Через много лет, в 1970-е годы, после возвращения в Крым небольшой части нашего народа, нам кое-что удалось узнать. На самом деле, случилось примерно следующее.

Водитель автобуса, пожилой человек, бывший фронтовик, уроженец Карасубазара, по национальности русский, приболел, т. е., как говорили тогда, вышел на бюллетень. Вместо него за руль автобуса посадили другого водителя и несколько милиционеров. На этом все дальнейшие сведения прерываются. Судьба этих фронтовиков – офицеров-крымских татар, милиционеров и водителя автобуса покрыто тайной, мраком.

металлические части колёс (диски), три покорёженных заржавевших пистолета...

Забегая вперёд, расскажу ещё об одном эпизоде. В 1975 году мы с покойным отцом (Алла рахмет эйлесин – да упокоит его душу Алла) разыскали этого заболевшего водителя, уже достаточно пожилого человека. Он нам рассказал эту историю и слёзно просил к нему больше не приходиться и ничего не спрашивать. И ещё сказал, что ему придётся из Крыма уехать. Это звучало буквально так: «мне всё равно здесь житья не дадут...».

Вернёмся в 1946-й. В общем, друзья отца помогли ему узнать о нашем местонахождении в ссылке. Он приехал к нам и, как человек военный, гвардии майор, сразу явился в военную комендатуру в Ташкенте. Там его встретили как победителя, сделали соответствующую отметку в документах и сказали, что теперь он должен пойти в спецкомендатуру по месту жительства семьи. Когда он спросил, зачем – ему ответили: мол, там всё скажут.

На следующий день отец пошёл в эту спецкомендатуру по надзору за высланным (репрессированным) крымским народом. Его принял старший лейтенант – «сам комендант» – и потребовал сдать все документы, в т. ч. и награды. Отец спросил, с какой стати. Тот в грубой форме, с оскорблениями, сказал, что так положено.

Отец спросил: а где это написано и т. д.. Словом, состоялся нелестный разговор «тыловой крысы» с победителем трёх войн. В результате отец всё же представил все документы, якобы для сверки. Ему даже дали расписку и велели прийти через три дня.

Когда он пришёл в назначенное время и попросил вернуть документы и именно оружие – награду генерала, командующего армией – с надписью, его арестовали, сфабриковали обвинение: «оскорбление коменданта и оказание сопротивления властям».

Он отсидел в Ташкентской тюрьме шесть месяцев. А когда его выпустили, дали справку об освобождении с правом получения временного удостоверения (с последующим получением паспорта). Таким образом, отказ ходить каждый месяц на унижительную регистрацию – ставить личную подпись в подтверждение того, что ты не сбежал, стоил отцу шести месяцев отсидки в печально известной Таштюрме.

... В нашей семье сбереглась и такая давняя история. Николай II, оказавшийся последним из правящей в Российской империи династии Романовых, прибывая на отдых в Крым, в свой дворец в Ливадии, в каждый свой приезд специальным приглашением звал к себе моего кьяртбаба – дедушку по матери, чтобы он составлял из выращенных им великолепных роз икебаны, букеты по самым разным поводам – официальным и неофициальным, каковыми были приёмы послов, семейные и религиозные праздники, другие торжества.

По рассказам мамы, кьяртбаба из всех этих мероприятий было очень сложно делать букеты и икебаны по случаю юбилейных дат – дней рождений. Здесь нужно было учитывать в каком помещении будет проходить торжество, какой там свет, высота потолков, какие стены, обои. Нужно было учесть цвет глаз, цвет волос «виновников» торжества, цвет одежды (платья), возраст и т. д. и т. п..

Император всегда в начале торжества представлял гостям дедушку как большого самобытного художника, очень

доброго человека, как друга семьи и при этом обязательно очень четко проговаривал его имя, фамилию, обязательно называл его коренным аборигеном – крымским татаринном.

Труд кьартбаба оплачивался очень щедро. Как правило, после окончания торжества это делала супруга царя, пригласив его в отдельный кабинет. После окончания мероприятий два конных жандарма сопровождали кьартбаба до Ангарского перевала, а если это было в тёмное время суток – и до самого дома. Дело в том, что на Ангарском перевале иногда случались грабежи.

Рассказы о кьартбаба мне вспомнились ещё и потому, что много лет спустя, когда встал вопрос о возвращении на Родину в Крым, об обмене квартиры в Сочи, рахметли (покойная) мама на семейном совете поставила условие, чтобы остаток жизни провести там, где жизнь начиналась – или в Алуште – на родине отца и моей супруги Февзии, или в Симферополе – где родились и мама, и я.

В общем, пришли к общему согласию, что меняем Сочи на Симферополь. После рассмотрения многих вариантов мы поменяли 3-х комнатную квартиру в двух уровнях в коттедже, с садиком, где росли инжир, хурма, фундук, фейхоа, мандарин, гранаты и другие ценные деревья, кустарники, на заурядную 3-х комнатную «хрущевку» по ул. Киевской, рядом с Дворцом профсоюзов, где и проживаем в настоящее время.

Мои родственники и друзья, которые побывали в своё время у меня в гостях в Сочи и видели тот коттедж, с большим удивлением спрашивали: как я мог пойти на такой неравноценный обмен, не жалею ли я?

Я отвечал всегда, что я счастливый человек, потому что, в отличие от многих моих сверстников, соотечественников, я имею возможность практически всегда навестить могилы рахметли (пребывающих в милости Всевышнего) мать и отца, прочесть молитву на их могилах.

...В 1939 г. маму переводом направили на работу в Бахчисарайский районный комитет партии, где она была заведующей сектором учёта. Отец тоже взял перевод. В Симферополе он работал в милиции, в уголовном розыске. В Бахчисарай его перевели на должность начальника паспортного стола.

Нам дали жильё в Милиция аралыгы (Милицейском переулке), сейчас это улица Н. Спаи – не доходя двух

кварталов до Ханского дворца. На углу находился кинотеатр «Октябрь», а до революции, по рассказам отца, здесь была мечеть. Сейчас здесь вновь построена великолепная мечеть, одна из многих достопримечательностей города и святое место для живущих вблизи прихожан-мусульман.

Семья наша состояла из четырёх человек. Ещё в начале 30-х годов, когда в Крыму, как и по практически всему СССР был голод, очень много детей осталось без родителей. В это время руководящим работникам различного звена было озвучено такое, не официальное, предложение взять в семью хотя бы одного ребенка, потому что детские дома были переполнены.

У нашего народа, как известно, издавна существовало правило: детей в детские дома и приюты не отдавать. Таким образом, у меня появилась сестра Мунивер (Рамазанова) – её покойные родители были дальними родственниками моего отца. В 2013 году, в мае ей исполнилось 90 лет, в июне я смог её навестить в городе Горячий Ключ Краснодарского края. Конечно, нам было, что вспомнить.

Начало войны, точнее, приход Второй мировой в Советский Союз, мы встретили в Бахчисарае. Отец, как человек военный, с первых дней войны, не ожидая призыва, сразу пошел в военкомат. Он стал активным участником обороны Севастополя.

В ноябре месяце, когда фашисты были вблизи Бахчисарая, все райкомовские работники должны были уйти в лес, где заложили, подготовили партизанские базы. А ещё до прихода немцев почти всех детей ответственных работников райкома партии и большинство рядовых коммунистов отправили по разным деревням к родственникам и близким.

Я следовать этому примеру категорически отказался и в день ухода райкомовских работников в лес был рядом с мамой. Помню, какая паника царила в райкоме. Всё уничтожали – жгли какие-то бумаги, все бегали туда-сюда, что-то говорили, кричали, шёпотом сообщали друг-другу, что немцы подходят к железнодорожному вокзалу.

В то время, когда я помогал маме зачехлить печатную машинку (печатное дело было поручено ей), к нам подошел Василий Ильич Чёрный, второй секретарь райкома партии, и сказал маме буквально следующее: «Отвечаешь головой за машинку, – и, глядя в мою сторону, удивлённо поднял брови: – а это ещё что за явление? Почему Нарик здесь, он же должен быть в деревне!». Мама ничего не успела ответить –

я сам осмелился вступить в разговор и сказал: «Мама понесёт на плечах машинку, а я бумагу – она же лёгкая».

Василий Ильич засмеялся. За весь последний промежуток времени это был первый и единственный смех. Он добавил: «Грузите ему его лёгкую бумагу». Я сел на кем-то подставленную табуретку, мне приспособили рюкзак, представлявший собой обычный мешочек с веревочками, и начали укладывать кипы какой-то сероватой, с отрубями, бумаги. Когда я встал на ноги, чуть не упал – получился перегруз.

Словом, в таком виде: мама с машинкой на плечах, а я с бумагой и запасными частями к машинке в рюкзаке, ушли в лес. Когда пришли на базу, с меня сняли мешок, я почувствовал жжение и боль – веревочки «натерли» мне плечи до крови.

Первое поручение

Не успели мы, как следует, расположиться, обустроиться на этой партизанской базе – а прошло всего четыре дня – как нас накрыли минами немцы. После чего пришлось принять и бой с ними. В этом первом же бою был убит командир отряда Сизов. Командование на себя взял комиссар отряда Василий Чёрный.

После боя он дал мне первое поручение, сказал: «Убили нашего командира. Ребята дадут тебе его кожаное пальто. Пусть женщины посмотрят, протрут на нём кровавые пятна, а ты завтра отнесёшь это пальто в Бахчисарай, в дом № 44 в районе железнодорожного вокзала. Там знают, куда передать дальше».

Вечером женщины ещё раз просмотрели пальто, хорошо его сложили и уложили в мешок, сверху положили две пары ношенной женской обуви и две женские кофты (тоже не новые); я по углам мешка заложил по луковице, привязал веревочками – получился рюкзачок. Утром в 8 часов я уже был у 44-го дома и передал пальто. Меня накормили – дали стакан молока и четверть лепешки. Я поблагодарил и ушёл. Уходил так, чтобы не попасть под облаву. Фашисты с немецкой точностью в 10 часов делали плановые облавы в людных местах (базары, вокзалы, оживлённые улицы и т. д.).

В общем, через два дня Василий Ильич перед строем объявил мне благодарность и сказал, что кожаное пальто

доставлено по адресу и передано жене командира Сизова и что они уже обменяли его на съестное (у них уже иссякли продукты, их ожидал голод).

Туфли и кофты я вернул в «обоз» – завхозу, эти вещи числились как инвентарь под видом обмена на продукты и потом возвращались на склад. Данное задание я выполнил без «аусвайса» – пропуска. Оказывается, это было очень рискованно, потому что не только советские граждане, но и оккупанты знали: кожаные куртки, а тем более пальто, в то время носили руководящие работники, а они все были коммунисты.

На последующие задания мы ходили всегда с «аусвайсами», которыми нас снабжали подпольщики, работающие в городских и сельских управах. За весь период оккупации, выполнение заданий и поручений – и в отряде, и в подполье – таких выходов было много. Некоторые из них остались в моей памяти навсегда.

Ходка на Тамань

В первой половине января 1942 года мне сказали, чтобы я зашёл в штабную землянку. Вечером, в назначенное время, я пришёл в штаб. Там, кроме командира – Василия Ильича, было ещё два человека, один из которых был в гражданке, а другой в форме офицера. Офицер положил передо мной на столе две карты – одна настоящая, а другая контурная (никаких названий – на белом листе одни чёрточки). Потом несколько раз отметил точки на обеих картах. Затем настоящую карту убрали и попросили, чтобы я отметил эти точки на контурной карте. И так несколько раз – в течение часа, они два-три раза перекуривали, а я думал, чтобы это означало, что за «игра». Утром мне опять устроили проверку. Офицер, который меня экзаменовал, сделал заключение, что у меня зрительная память подходящая, даже отличная.

В этот же день меня проводили проводники, и я побывал недалеко от Балаклавы, куда немцы и румыны стягивали войска и военную технику. Задание у меня было конкретное – сосчитать, узнать, сколько примерно лошадей с большими копытами, сколько орудий со стволами малого и большого диаметра. Дело в том, что всё это было замаскировано, но кончики стволов были видны. Я потом всё это показывал на пальцах, нужно было узнать, сколько примерно барачков для

солдат в серо-мышинных шинелях (немцы) и сколько в желто-болотных (румыны).

После моих сведений они долго что-то считали, о чём-то даже спорили, переспрашивали меня и, наконец, на третий день снова проверили мою зрительную память на контурной карте. Я вновь взял свой рюкзачок, положил в него «вещички» для обмена – эта такая «легенда», и ночью меня проводили из Керчи в Тамань. С той стороны, с Тамани мне периодически светил «маячок», чтобы я не потерял направления.

На Большой земле меня встретили, похвалили, накормили, напоили горячим травяным чаем. И пока я пил чай, штабные офицеры развернули точно такие же карты, и я пальцем обозначил запомнившиеся точки. Мне сказали, чтобы я спал до вечера, а когда стемнело, проводили в обратный путь. Двигаясь обратно, я немного сбился с пути, т. к. постоянно светили прожектора, и приходилось замирать. Из-за этих остановок я ошибся примерно на пару сотен метров, так что встречающих нашёл через 15-20 минут. Была договоренность, что в случае непредвиденных обстоятельств не они меня ищут, а я их ищу. На Тамани было наоборот.

После возвращения в отряд Василий Ильич сказал мне, чтобы я отдыхал. На следующий день, часов в 15, Василий Ильич сам пришёл и сказал: сейчас начнется, а ты завтра пойдешь туда же, где был до ходки на Тамань, и посмотришь, как поработала таманская сторона.

Ровно в 16.00 по часам Василия Ильича (у него были часы-компас с огромным циферблатом) началось. То, что громыхало под Севастополем – Балаклавой, отдавалось у нас в лесу. Это было что-то страшное – с того берега, и с воздуха. Казалось, что это рядом рвутся снаряды и бомбы, что сейчас посыпятся камни, земля, будут падать деревья. Мы пригубались, инстинктивно искали укрытие – хотя нам ничего не грозило.

На другой день мы с моим другом Вовкой – его мама тоже работала в районном комитете, и он тоже отказался ехать в деревню – отправились на знакомое мне место. Мы увидели страшную картину – там, где были бараки, остались развалины и воронки. И немцы, и румыны (трупоносы) ещё доставляли убитых (раненых, видимо, уже забрали, оставались трупы лошадей, разбитые лёгкие и тяжёлые орудия и т. д.).

Мы делали вид, что собираем гильзы и другие, какие-то никому не нужные вещи, фашисты на нас особого внимания не обращали, или им было не до нас. Да и мы держались подальше от греха, но так, чтобы видеть и заполнить общую картину. В общем, весь этот квадрат 16 (1942) с условным обозначением, выглядел, как огромное мёртвое пространство, какая-то невообразимая свалка. Мы вернулись на базу и обо всём рассказали.

Дня через три, на построении командир от своего имени и по поручению командования Красной Армии на «Таманском направлении», объявил мне благодарность и сказал, что благодаря проведенной операции было уничтожено огромное скопление вражеских войск и сорвана тщательно подготовленная фашистами наступательная операция.

А радист Амидов по большому секрету сказал маме, что моя фамилия на представление к награждению значится первой в переданном им сообщении на «Большую землю».

Неожиданные встречи

В начале 1942 года мне как-то сказали, чтобы я зашёл в штабную землянку. Вечером, в назначенное время, я пришёл в штаб. Там, кроме командира отряда Василия Черного было ещё два человека. Один из них был в гражданском, другой в форме офицера Красной армии.

Офицер положил передо мной на столик две географические карты: одна обычная, а другая контурная (никаких названий нет – на белом листе одни чёрточки). Потом несколько раз обозначил зёрнами чечевицы точки на обеих картах и сказал, чтобы я эти точки запомнил. Затем он настоящую карту убрал и попросил, чтобы я отметил запомнившиеся точки на контурной карте. Это действие было повторено несколько раз в течение часа. Штабисты выходили «перекуривать», а я думал, что означали бы такая игра?

Утром мне вновь устроили проверку. Офицер, который меня экзаменовал, сделал заключение, что у меня отличная зрительная память. Я получил все инструкции и наставления, как вести себя в той или иной непредвиденной ситуации.

В этот же день проводники препроводили меня, и я оказался недалеко от Балаклавы, куда немцы и румыны стягивали войска и военную технику. Задание у меня было «простое» -- запомнить все до самых мелочей: сколько примерно лошадей с большими копытами (это тяжеловозы), орудий со стволами малого и большого диаметра (всё это было замаскировано, но кончики стволов были видны, я потом показывал их на пальцах). Нужно было узнать, сколько барачков для солдат в серо-мышинных шинелях это немцы; и сколько в желто-болотных – это румыны.

По рассказам покойной мамы, после меня ещё раз посылали разведчиков. Таким образом, мои наблюдения были подтверждены. И только после этого была составлена схема и место скопления вражеских войск.

После получения подготовленных мной сведений штабисты ещё долго что-то считали, о чем-то спорили, переспрашивали меня и, наконец, на третий день снова проверили мою зрительную память на контурной карте.

А наутро я вновь взял свой мешочек – рюкзачок, положил в него «вещички» для обмена – это такая легенда и всё. Кроме аусвайса (пропуск) – никаких бумаг, всё в голове.

По определённому на этот раз заданию мне предстояло добраться до Карасувбазара. Не буду рассказывать, как я добирался до назначенного места, просто скажу, что это было очень сложно. Во-первых, никакого регулярного транспорта, конечно, не было. Нужно было обходить патрули, людные места, облавы. И в тоже время нужно было к назначенному времени быть в назначенном месте.

Район встречи я нашёл быстро, два раза прошёл по переулкам – туда и обратно. Изучил местность капитально (как инструктировал офицер в штабной землянке). Встречались редкие, случайные прохожие, а одного парня я встретил дважды – первый раз он шёл с девушкой, а второй раз, возвращаясь откуда-то, уже был один.

Когда мы встретились повторно, он сначала прошёл мимо, а потом обернулся и спросил, какого чёрта я здесь шляюсь, что мне нужно? Я спокойно сказал, что у меня больна сестра, и я хочу кое-что из её вещей обменять на кукурузную или пшеничную муку, чтобы испечь ей лепешки и накормить.

Он ещё раз осмотрел меня с головы до ног, показал на двор с деревянными воротами с калиткой и сказал, что там живёт дегирменджи (мельник) – может быть он чем-то поможет.

Так и сказал: чем-то поможет. Он тоже зашёл во двор и пригласил меня, сказав, что собака привязана, а сам ушёл, не попрощавшись.

У входа в дом меня встретила девушка, которая была тогда с парнем. Она представилась, как дочь мельника Амиде. В общем, обмен у нас состоялся удачный – мне дали около трёх килограмм кукурузной муки и около двух килограмм пшеничной. А на кофту даже не глянули. Сказали: обменяешь ещё раз.

Меня угостили кьатламой, а потом мельник сказал Амиде, чтобы она проводила меня до угла переулка. Не доходя до угла, Амиде посоветовала мне зайти во двор дома с высоким забором. Я с самого начала, когда изучал ходы и выходы, обратил внимание на высокий забор и окованные железом ворота. Между тем, Амиде, сказав: заходи, не бойся, собака там на цепи – сама попрощалась и ушла, пожелав мне удачного обмена.

Навстречу мне вышел дедушка (вначале так показалось) с чёрной бородкой, невысокого роста. Он мне кого-то напоминал, причем, довольно близкого человека. Он подошёл, обнял меня и спросил: «Танымадынъмы мени (не узнал меня)? Это очень хорошо, это очень хорошо», -- повторил он несколько раз. Как оказалось, «дедушка» -- был мой Ферамуз эмдже. Я его видел последний раз в 1938 году, когда он приезжал к нам из Сочи, где жил с 1927 года, в командировку, и был у нас в гостях.

Он засмеялся и сказал, что опять приехал в «командировку», но у него очень мало времени. Дядя Ферамуз сделал знак хозяину дома, и тот вынес контурную карту – точно такую, которую я видел в штабной землянке. Я вытащил из кармана чечевички и обозначил те две точки, которые нужно было обозначить. Дядя долго смотрел, будто фотографировал карту глазами, затем её убрали.

Мне дали в дорогу слоёную лепешку с луком. Мы распрощались, и я ушёл. Когда я дошёл до угла оглянулся по сторонам и увидел того, уже знакомого, парня. Мы помахали друг другу руками. До самого выхода из города я чувствовал, что он издали меня сопровождает. И это действительно было так, он этого как бы и не скрывал, а я почему-то чувствовал себя, хоть в какой-то мере, в безопасности.

Послесловие к «Встречам»

Прошло много лет. Так случилось, что из-за преследования властей за активное участие в национальном движении нашей семье пришлось срочно покинуть Узбекистан. Продав за бесценок в 1967 году дом, мы, после долгих мытарств, остановились в доме Ферамуз эмдже, недалеко от Сочи, в местечке Дагомыс. В этом местечке жили несколько семей крымских татар, которые также не смогли прописаться на Родине в Крыму. Они приехали сюда, поступили на работу в Дагомысский чайсовхоз и начали обустриваться. Всё же поближе к Крыму.

Так вот, к кому-то из них из Средней Азии в гости приехал родственник – Нури Халилов. Узнав, что здесь живет дядя Ферамуз (он же «Федор», он же «Федор Захарович», он же «Осман»), Нури агъа удивился и очень обрадовался. Он сказал, что должен встретиться с Ферамуз эмдже. Сказал, что им есть, что вспомнить. И когда мы все встретились за чашечкой кофе (и не только кофе), они вспомнили о Зуйских лесах.

По заданию Краснодарского подполья и армейской разведки дядя Ферамуз был заброшен в Зуйский партизанский отряд. Так совпало, что в этот период фашисты делали прочёсы леса. В один из таких прочёсов отряду пришлось принять бой. Когда наступило временное затишье, Ферамуз эмдже покинул свое «гнёздышко» и пошёл оказывать помощь раненному партизану, который находился в 100 метрах от него. А когда вернулся, увидел молодого парня-партизана, занявшего его оборудованное «гнёздышко», и сказал ему, чтобы тот немедленно освободил его «хатку». Но потом, пожалев его, сказал: «Мы не такие большие, места хватит обоим».

Через какое-то время дядя Ферамузу нужно было уйти из леса и он, уходя, подарил трофейный автомат, добытый в бою, Нури Халилову. И вот потом, когда он вышел из леса, состоялась наша «случайная встреча», о которой я рассказывал выше.

... В мае 1989 года, ко дню победы, по заданию в то время Сочинского горкома КПСС, у Ферамуз эмдже взяли интервью, его показали по телевидению. В газете «Черноморская здравница» рассказали о нём как о

разведчике – бойце невидимого фронта. Согласно архивным материалам, в очерке было изложено, как он среди белого дня, под видом обиженного советской властью адыгейца, проник на приём к бургомистру Краснодара и под угрозой взорвать себя и бургомистра, забрал списки людей, которых должны были угнать в фашистскую Германию, и другие ценные документы. Он распахнул перед бургомистром тулуп, показал пояс, увешанный гранатами, и сказал, что он должен уйти отсюда живым.

Все сохранившиеся фотографии, документы, подлинные газетные материалы я сдал в наш национальный музей. В августе того же года (1989 г.) в возрасте 70 лет Ферамуз эмдже скончался и был похоронен со всеми воинскими почестями на Центральном кладбище г. Сочи. О своих подвигах он рассказывать не любил. Он говорил: это была моя работа, что о ней рассказывать? Вообще-то, в нашем роду это не очень поощрялось. Темы войны, депортации – насильственного выселения 1944 г., по возможности, не вспоминали. Не хотели сыпать соль на рану...

Под надзором Алуштинской полиции

В начале весны 1942 года, когда немцы стали ощущать постоянные нападения партизан, нести значительные потери, они поняли, что партизаны и подпольщики – это серьёзная сила. Фашисты начали прочёсывать леса, где находились базы партизан. В один из таких прочёсов мы попали под миномётный обстрел. Нас буквально накрыло минами. Мама получила ранение в ногу, я был контужен. Продовольственные и материальные базы (тайники) были уничтожены. Начался голод, у многих были отморожены конечности.

Практически не было связи, рация уничтожена. Командование приняло решение: «обоз» -- женщины, дети, раненые – должны рассеяться по деревням, обустроиться у родственников, знакомых, близких, просто надёжных людей, и перейти на подпольную работу. Все были распределены по ячейкам, получили явки, пароли. Нашей ячейке, которую возглавляла мама, предстояло пройти по маршруту

Отарчик – Бахчисарай – Симферополь – Алушта.

У Хатидже апте своя большая семья. У неё же укрывались её родственники с детьми, а здесь ещё и мы. Эта семья делилась с нами последним куском хлеба. Хатидже апте ломала лепешку на 4 равные части и наравне со своими детьми кормила нас.

Нам оставалось, по нашим планам, пробыть ещё несколько дней. Но партизанско-подпольщицкая «почта» донесла, что немцы будут делать подворные обходы с целью выявления тех, кто по разным причинам скрывается, и начнут эти операции с деревень, которые расположены близко к лесу.

Утром, в 4 часа мы покинули гостеприимный дом Хатидже апте Баир. А, как мы потом узнали, в 10 часов немцы окружили деревню и начали подворный обход. Если бы мы не ушли, все, скорее всего, были бы расстреляны. Фашисты так карали жителей, в отношении которых у них были сомнения. Или, было и так, всех сгоняли в амбар и поджигали, как в селе Улу-Сала. Получилось, что мы и сами спаслись, и не подставили под верную смерть большую семью Хатидже апте.

После Отарчика, Бахчисарая, Симферополя – это была весна 1942 года – мы добрались до Алушты. Мы с сестрой Мунивер, иногда с мамой, ходили по деревням и распространяли листовки. У обоих за плечами были мешочки с кое-какими вещами, в основном, из ношенной одежды и обуви, якобы для обмена на съестное – хлеб, картошку. Собственно, мы так и делали. Иногда действительно удавалось кое-что обменять.

В Алуште мы жили у родственников отца на улице Салгирной, дом 46. Сюда же направился и сам отец, который под Севастополем был ранен и попал в плен. Из плена он совершил побег с другом Михаилом Поповым – мы его называли дядя Миша.

Узнав о нашем местонахождении, отец, какими-то невероятными путями тоже пришёл в Алушту. Он отпустил бороду и был трудно узнаваем. Но на третий день его арестовали и посадили в гестаповский застенок.

К нам пришли с обыском, но ничего не нашли. У меня перед этим было 150 штук листовок. Я успел, скрутив всю пачку в трубочку, сунуть её в литровую банку, завернуть в кусочек парашютного шёлка и закопать в конце двора, возле туалета. После окончания войны, уже будучи в азиатской

ссылке, в нашей семье об этом вспоминали каждый раз в день Победы.

Мне удалось сохранить протокол обыска, листовки и аусвайсы. Все эти документы как ценные реликвии хранятся в нашем крымскотатарском Музее искусств.

Отца долго держали и мучили в застенке гестапо, но не нашли «порочащих его сведений» и «нужных» свидетелей, а потом подпольщики, которые работали в Городской Управе, помогли его освободить.

На руки ему выдали «волчий билет» – такой документ, по которому мы обязаны были в течении 24 часов покинуть Алуштинский район. Честно говоря, нам это и надо было. С помощью партизан и подпольщиков нас переправили в Евпаторию, в распоряжение Евпаторийской подпольной организации.

«Добровольцы»: как это было

Руководителем Евпаторийской подпольной организации в одно время был человек по фамилии или Ерёмин или Еременко, точно не помню. Видел его всего один раз – и то издалека. Он был в крымской национальной одежде – на голове наш кьалпак, а на ногах чарыхи.

По его распоряжению нас пересадили на другую подводку и привезли в деревню Ташке (татарское). На 11 километре от Кезлева (Евпатории) находилось деревня Ташке (русское), где жили практически только русские, а через 1 километр, то есть на 12-м километре от города – Ташке (татарское). Здесь из русских была только одна семья Ильиченко – семья дяди Яши.

Подпольная ячейка состояла из 5 семей: наша семья, семья Ильиченко, кузнец Абдувели ахай, семья Ибраимовых (её глава был одновременно старостой) и семья Ислямовых.

Два раза в месяц к нам приходил человек и в старом чуланчике (такая маленькая кладовочка), оставлял небольшую торбу, в которой были листовки и газеты (в основном «Красный Крым»).

Листовки и газеты мы забирали и, как могли, распространяли, а взамен клали в торбу разные местные

официальные издания (газеты, информационные листки, которые издавались на русском и крымскотатарском языках под строгим контролем фашистской цензуры). Таким образом, штаб партизан и подпольщиков знал всё, что делается немцами на подконтрольной им территории. По словам комиссара Василия Ильича Чёрного, такой «обмен» информацией (такая почта) приносил большую пользу при принятии важных решений по борьбе с оккупантами.

Человека, который приносил и уносил почту, я ни разу не видел в лицо, видел только сзади, когда он уходил. Нескольку раз в торбу, которую он забирал, мама клала для него лепёшки.

Партизаны и подпольщики постоянно доставляли немало хлопот фашистам. Зачастую настолько серьёзные, что им приходилось отвлекать с фронта немецко-румынские части на борьбу с партизанами. Поэтому немцы решили объявить «добровольную мобилизацию»: в газетах и информационных листках появились сообщения, что уже создан и продолжает формироваться добровольческий батальон.

На самом деле никакого батальона пока не было, а вот к сотрудничеству немцы призывали постоянно. Но на эти призывы откликнулись лишь какие-то единицы – в основном те, кто был в конце 1920-х и в 1930-е годы был, что называется, сильно обижен советской властью. Причём, откликались на эти призывы люди разных национальностей, поскольку под жернова сталинских репрессий попадали, понятно, не только крымские татары.

В то же время в городских и сельских управах работало немало и наших людей. Они очень помогали с приобретением пропусков, давали в нужное время нужную важную информацию.

Фашисты, видя то, что с формированием добровольческого батальона ничего не получилось, пошли на другой шаг. Приведу пример, как это было в деревне Ташке, потому что, по нашим наблюдениям и имеющимся сведениям, точно так проходило по всему Крыму. Забегая вперёд, скажу, что нам в то тяжёлое время удалось очень многих людей предупредить и спасти их от такой «мобилизации».

Деревня Ташке (татарское) мало чем отличалось от многих деревень Евпаторийского района, да и всего степного Крыма. Состояла она из 46 дворов. При въезде в деревню с евпаторийского направления располагался колодец, где весь световой день ходила по кругу лошадь и качала

воду, которая сливалась в деревянные чаны (специальные ёмкости), откуда уже шёл разбор воды – как для нужд людей, так и для водопоя животных.

Так вот, к колодцу подъезжают две крытые брезентом автомашины -- одна порожняя, а в другой сидят немецкие автоматчики. Они выбегают из грузовика, берут деревню в кольцо. В это время подъезжают 10-15 мотоциклов с колясками, с установленными на них пулемётами. Мотоциклисты располагаются между автоматчиками.

Таким образом, деревня оказывается полностью окружённой. Причём, в деревню пропускают, а из деревни никого не выпускают. Из кабин машин выходят офицер, кто-то из чинов помладше, и фельдшер.

Строго, с немецкой аккуратностью, в шахматном порядке эти трое начинают заходить в каждый двор и заставляют всех выйти из дома. В это же время по рупору, на русском языке, повторяя несколько раз, всем приказывают выйти во двор. Отбирают мужчин от 18-19 до 45-50 лет.

Всех, кого они отобрали, строят в шеренги и приступают к осмотру (чисто визуальному). Офицер стеком указывает на человека, он называет имя, фамилию, возраст. Младший офицер записывает, фельдшер заглядывает в рот, уши, глаза, осматривает руки, ноги и т. п..

Всех отобранных сразу же берут под конвой и в сопровождении конвоиров сажают в одну из порожних машин. После того, как отобранных сельчан забирает конвой, ни в каком виде контакта с близкими им не разрешают.

В Евпатории их размещали в длинных бараках, за колючей проволокой. После неприятной антипедикулёзной обработки (на вшивость), всю одежду этих людей сжигали, а взамен выдавали бывшую в употреблении немецкую форму, снятую с убитых. Она чистая, обработанная, но кое-где были заметны застиранные кровавые пятна. В этом одеянии люди выглядели смешно, так как редко кому подходили размеры – кому-то рукава коротки, а кому-то длинные, также и штаны -- у кого висят мешком, у кого в трубочку, и т. п..

После месячной муштры и карантина фашисты использовали этих так называемых добровольцев против партизан. Перед тем, как начинать прочёс леса, фашисты накрывали нас минами, а потом шли рядами. Вот в этих первых рядах так называемых добровольцев, с трофейным оружием и выставляли. Далее, через какой-то интервал, шли ряды

румунских солдат и только потом -- немцы.

Таким образом, первыми под огонь партизан попадали идущие в переднем ряду «добровольцы», а дальше румыны. Своих «арийских» вояк немцы берегли до последнего момента облавы или боя.

Это уже потом (по тайной договоренности -- ведь «по разную сторону баррикады» оказывались односельчане, друзья, родственники) партизаны первый залп делали в воздух, и так называемые добровольцы падали на землю, а под последующий прямой обстрел партизан попадали румыны и немцы.

После таких операций у оставшихся в живых «добровольцев» отбирали трофейное оружие и затем использовали на разных работах, начиная от совместного с немцами патрулирования заканчивая строительством оборонительных сооружений, рытьём окопов и т. д..

Почему я так, по возможности подробно, об этом рассказываю? Дело в том, что это было одно из очень важных заданий нашей ячейки -- скрупулезно изучить движение по этой цепочке на местах, всё увидеть, поговорить с людьми и составить подробный отчёт. Василий Ильич говорил, что отчёт нашей ячейки, после небольшой корректировки, отправлялся на «Большую землю».

А фашистская пропаганда крупными заголовками на газетных полосах и по радио сообщала, что сформирован батальон добровольцев. Даже публиковались липовые, сфабрикованные фотографии людей разных национальностей.

Впоследствии, подводя как бы промежуточные итоги работы партизан и подпольщиков, руководство штаба заявило, что планы и действия фашистов по организации и использованию добровольческих батальонов потерпели крах. Особенно после того, как так называемые добровольцы группами и в одиночку стали уходить в лес к партизанам...

Адская дорога «Ташкент - Тавканы»:

19 дней и ночей, 3,5 тысячи километров
нечеловеческих мучений.

Дневник Наримана Казенбаша

18 МАЯ — 5 ИЮНЯ 1944 Г. ДА

Еще в первые месяцы депортации, будучи мальчишкой 14–15 лет, я хотел написать о тех 19 днях и ночах, прожитых в вонючем скотском вагоне, как мы его называли — вагоне смерти, следовавшем по маршруту Кезлев (Евпатория). Но мама Хатидже (Аллах рахмет эйлесин) категорически запретила мне это делать. Наверное, в то время это было правильно, потому что я все равно не смог бы опубликовать свои записи. Более того, я мог подвергнуть всю семью большой опасности. За такое следовал прямой путь в лагерь и надолго.

Сегодня, когда мне уже за 80, я посчитал, что просто обязан это сделать!

И еще. Когда я задумывался об этих 19 днях и ночах, мне казалось, что я сяду и за один прием напишу обо всем, поскольку память у меня, как говорили в школе учителя, а в партизанском отряде наш комиссар Василий Ильич Черный (атеши енгиль олсун) — была идеальная, особенно зрительная.

Как я ошибался! Оказывается, иметь хорошую память — это еще не все. Надо суметь пережитое «переложить» на бумагу. Поэтому я очень благодарен моему другу, профессионалу своего дела, редактору нашей газеты «Къырым» Бекиру Мамуту, который настоятельно просил меня написать о тех страшных днях так, как я это помню, и, конечно же, как это было на самом деле.

Что я и попытался сделать. Очень жаль, конечно, что не смог уберечь тот дневник, в котором все было отражено буквально по часам. Но те записи каким-то образом помогли мне сегодня. Каждые сутки адских мучений тех сотен, тысяч людей, целых народов обязательно должны быть, как говорят историки, задокументированы. Они достойны этого. В данном случае речь идёт о нашем коренном крымском народе...

Прежде, чем писать о 18 мая, хочу вспомнить о том, что было накануне — 17 мая 1944 года. В этот день, где-то около четырёх часов пополудни, в наш полудомик-полуземлянку в Ташке пришли старший лейтенант и один солдат, оба при автоматах. Офицер, увидев во дворе на веревке стираное белье, обратил внимание, что оно уже высохло и его можно убрать. При этом он многозначительно заметил, что мама очень хорошо поступила, постирав белье.

Мы угостили ребят кофе собственного приготовления из жареного (или даже пережаренного) ячменя. Они попили,

поблагодарили и ушли. Дело в том, что 13–14 мая у въезда в деревню, возле колодца расположилась воинская часть.

В этот же день часов в пять-шесть вечера — было ещё светло, — в наше жилище пришли муж и жена Ильченки, соратники по антифашистскому подполью. В Ташке (деревушка не сохранилась) это была единственная русская семья. «Дядя Яша», как мы звали его конспиративным именем, принес с супругой полмешка сухарей, готовую к варке курицу. Они вели себя с какой-то неловкостью, никак не могли объяснить цель своего визита и почему вдруг принесли продукты. Уходя, прощались в каком-то извинительном тоне.

18 мая 1944 года

18 мая в 6 часов утра к нам постучались. Вошли старший лейтенант, который приходил к нам вечером накануне, и два солдата. Офицер зачитал нам постановление Государственного Комитета Обороны. От себя добавил, что предоставляет нам отдельную бричку. «Берите все съестное, что у вас есть, постельные принадлежности и вещи, необходимые в дорогу. Солдаты и ездовой погрузят все, что вы скажете и захотите взять».

Мама передвигалась только с моей помощью. Незадолго до изгнания фашистской армии, она получила ранение во время «прочёса» немцами леса — у нее была прострелена нога. И после этого мы с группой партизан двое суток пролежали в снегу. Тогда многие пообморазивали конечности. У нас, кроме съестных припасов и постели, и брать-то было нечего. Поэтому я, с разрешения старшего лейтенанта, побежал к соседям и сказал, чтобы они догрузили в нашу бричку свои пожитки. Другим в деревне давали одну бричку на три семьи. Так что мы для власти были «льготниками».

Солдаты-общевойсковики, конечно, имели оружие. Вели себя они сдержанно. Даже помогали, если видели такую необходимость. Они привыкли видеть пред собой врага. А тут женщины, старики, дети, чьи отцы такие же, как и они, фронтовики. Было впечатление, что солдаты не совсем понимают, зачем они это делают. Им было неловко «воевать» с немощными согражданами.

А вот когда людей погружали в вагоны, здесь уже были другие солдаты — НКВД-шники. Им, видимо, крепко внушили, что перед ними матёрые шпионы и предатели. Они вели себя не то что хамовато, а очень грубо. Я видел, как некоторые направо-налево размахивали прикладами своих карабинов. От их дикого ора, ругани, когда мат-перемат составлял основу речи, вяли уши, цепенело тело...

Погрузили нас быстро — что там 15–20 бричек с людьми и скудными пожитками. Было видно, что мы не первые. Из Евпатории до Симферополя мы ехали четыре часа. Часто останавливались и пропускали, встречные порожняки — пустые составы.

В Симферополе была «сортировка». Вагоны то цепляли, то отцепляли, таскали туда-сюда. Наконец, часа в три дня, мы выехали на север, в направлении Джанкоя. Я сначала считал, а потом потерял счёт того, сколько раз мы останавливались до Джанкоя. На остановках до Джанкоя все двери были закрыты наглухо. Никого не выпускали. Мы попытались открыть доступ к свету и, особенно, к воздуху, хотя бы чуть-чуть раздвинуть двери вагона, но нам это не удалось. В щелочку были просунуты шпильки в виде толстых согнутых гвоздей, обмотанных проволокой, к которым мы доступа не имели.

В Джанкое разрешили в течении 10 минут сделать запасы воды. Но такая возможность была не у всех — не все захватили пригодные для этого ёмкости. Когда нас «сортировали» в Симферополе, мне в какой-то короткий момент на развалинах возле вокзала удалось раздобыть четыре жжёных кирпичика. В дальнейшем они сослужили нам хорошую службу — мы ими пользовались как очагом. Каждая семья, по очереди, на протяжении всех 19 суток пути, когда это разрешали делать, брала их и, установив сверху казанок, разжигала огонь. Часто приходилось торопиться, чтобы не отстать от поезда. Обычно недоваренную пищу забирали горячей, обжигая при этом руки.

Первую ночь никто не спал. Взрослые всё говорили и говорили. Обсуждалось одно и то же, вопросы были одни и те же: куда везут, сколько будем ехать, будут ли давать воду, будут ли кормить, как быть с больными — ведь в вагоне находились тяжело больные две старушки и один старец. В вагоне также были две мамы — молодая и постарше, — с грудными детьми, и одна беременная женщина. Но кто из нас, жертв преступного произвола, мог в те дни ответить на эти жизненно важные, роковые вопросы?..

Всего в вагоне было 64 взрослых и 18 детей. В первые сутки движения мы, мальчишки, по поручению старших, вырезали ножами в углу вагона дырку в досках пола и, отгородив это место простыней, устроили туалет. Позже простыню пришлось снять для того, чтобы завернуть в неё одного из умерших, а вместо большого полотна повесили какую-то невзрачную тряпку. Люди тогда уже немного привыкли друг ко другу и к условиям. Да и вагонная темень делала простыню более нужной в другом, святом деле погребения усопших.

19 мая 1944 года

Рано утром двери вагона раздвинули конвоиры — солдат и офицер. Они дали два листа бумаги, химический карандаш и сказали, чтобы мы составили список всех находящихся в вагоне людей. Мы попросили офицера оставить двери вагона приоткрытыми, потому что при закрытых дверях в вагоне было темно. В четырех углах вагона были 4 зарешеченных окошка размером примерно 50 на 30 сантиметров. Пока офицер и солдаты разговаривали с людьми из вагона, я попросил разрешения сходить по-маленькому, сделав вид, что мне невтерпех. Номер мой удался. За это время я сосчитал, сколько всего вагонов. Их оказалось 41. Впереди была теплушка — спальный вагон для охранников.

Наш вагон был седьмым. Вагоны чередовались: один с открытым тамбуром, где находился часовой, один без тамбура, то есть, без конвоя. Конвоиры менялись каждые 12 часов. Поэтому вступить в контакт с ними было сложно. Тем не менее, нам это в какой-то момент удалось, но это было позже.

19 мая по распоряжению начальника эшелона мы выбрали нечто вроде совета вагона: старосту, — ею стала моя мама, писаря — это я и еще двое мальчишек младше меня на год-два. Через час список был готов, но он надолго остался невостребованным.

А мы размечтались. Думали, по списку будут давать еду, воду, выявлять больных и оказывать им экстренную помощь... И вообще, размечтались — дальше некуда. В этот день больше не приходили, в вагоны никто не заглядывал. Единственно, когда была смена караула, нам закрыли двери. Но пока она была открыта, мне еще раз удалось сосчитать вагоны и узнать наше место в составе.

Это было хорошо видно на поворотах, от паровоза до последнего вагона. А утром состав стоял где-то в степи, не доезжая какого-то небольшого городка, потому что вдали был виден семафор.

У кого-то из ребят случайно оказался кусочек мела. Этим мелом вся площадь вагона была условно помечена и разделена на прямоугольные секции для каждой семьи — в зависимости от её количественного состава. Два окошка с решетками были «закреплены» за нами, мальчишками, а к двум другим доступа не было, поскольку там не было настила.

Ночь 19 мая прошла очень беспокойно. Дети плакали, больные и старики стонали, что-то говорили, бредили, просили помощи у Аллаха. Что и говорить, это был глубокий стресс, потрясение невероятной силы. Сознание отказывалось рационально воспринимать случившееся...

20 мая 1944 года

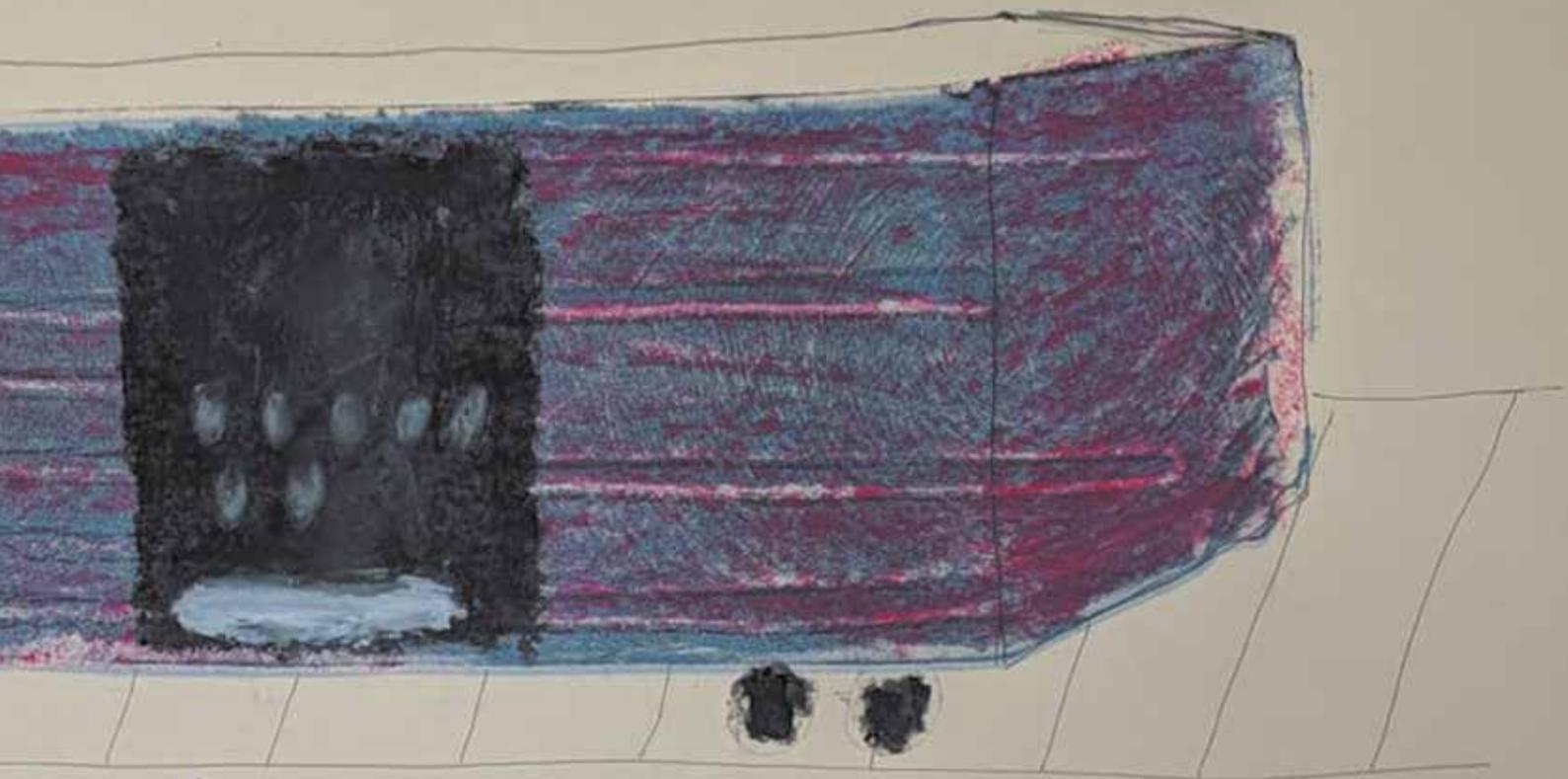
День начался с того, что пришел офицер, солдат и пожилая женщина-фельдшер, которая спросила, есть ли больные. Они записали то, что им сказали люди, и ушли, оставив какую-то надежду на изменение отношения к нам в лучшую сторону.

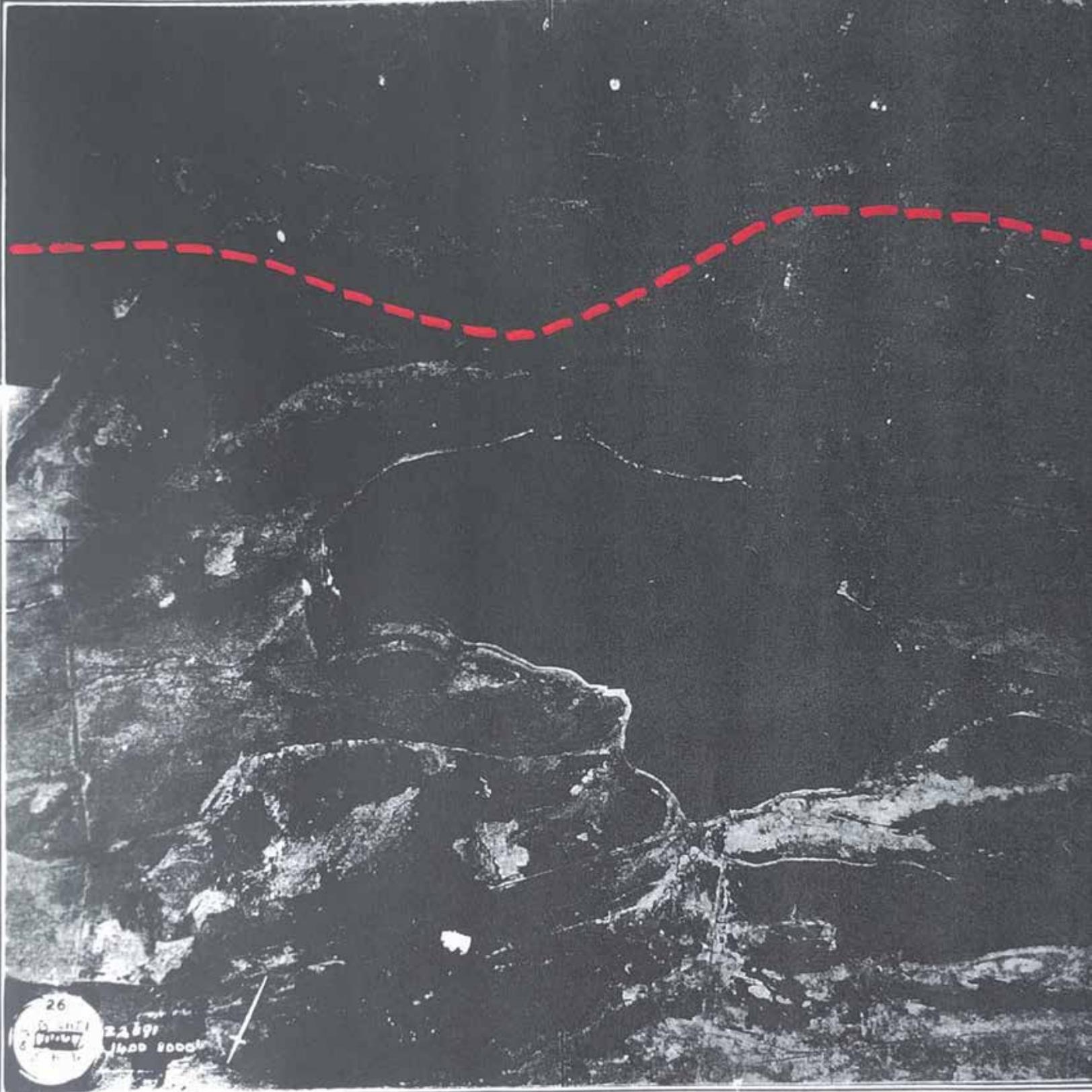
Мама (рахметли анам) показала имеющиеся у нас несколько тетрадных листов и тихо обратилась ко мне с просьбой собрать у соседей по вагону ещё несколько листов чистой бумаги, сшить эти листки и начать вести что-то вроде дневника. Мне удалось это сделать, поскольку тетрадные листы ценились, и многие взяли их с собой.

Я начал, по возможности, все до мелочей и в чём-то по-детски, аккуратно записывать самые важные с моей точки зрения события за день. Кроме того, на внутренней деревянной стойке коробки дверей я своим складным ножичком, которым очень дорожил, каждый день делал зарубки. Таким образом мною было сделано 19 зарубок. Это означало 19 мучительных суток пути, который в нашем случае оказался дорогой в Среднюю Азию.

Весь день прошел в ожидании, что нам принесут еду и воду. Но наступила ночь, больше никто не приходил. После утреннего визита офицера и фельдшера дверь всё время оставалась закрытой. Ели то, что успели взять с собой. Никто не знал, какой долгой будет дорога, поэтому к своему скудному продуктовому запасу относились очень бережно, рацион был предельно экономным. Что говорить о взрослых — дети не доедали.... Очередная ночь кошмаров — иначе ее не назовешь, — наконец, прошла. Наступило утро.

26

2189
1000 1000

21 мая 1944 года

Около 6 часов утра состав остановился на какой-то небольшой станции. Но при этом я насчитал четыре запасные железнодорожные пути. Наш состав загнали в один из тупиков. В остальные загнали ещё два состава, которые следовали за нами через определенный промежуток времени.

Двери открыли только в нашем составе. Во флягах принесли мучной суп — коричневую баланду. Кормежка, напоминающая присмотр скота, длилась около часа. Когда наш состав отправляли, было похоже, что готовились «кормить» узников — по-другому и не скажешь, — следующего.

В нашем составе в основном были люди из города Евпатории и нескольких окрестных сёл, как наше. Через решетчатое окошечко мне удалось узнать, что состав, следующий за нами, везёт бахчисарайцев. Но не больше того.

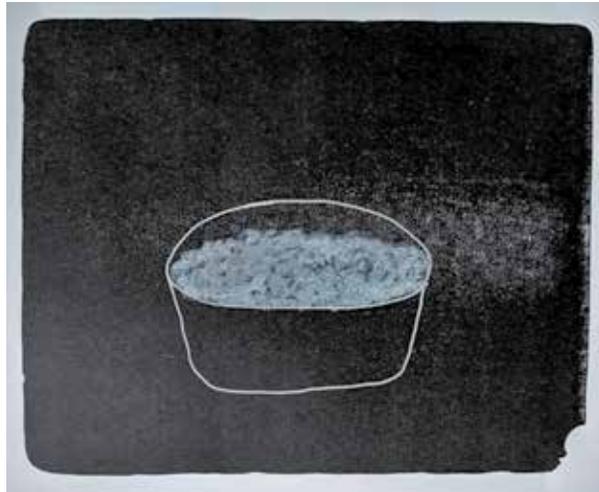
Ночь была ещё хуже предыдущих. Под утро скончалась старушка (хартанай). У неё вздулся живот. Мы, подростки и дети, со страхом смотрели на её живот и думали, что он вот-вот лопнет.

Все знали, что у неё было четверо сыновей и все в это время воевали с фашистами, а дочь накануне выселения поехала навестить родственников. Так что 18 мая рядом с ней никого из взрослых не было, а было два 6-7-летних внучонка. Она умерла, находясь в полном сознании, и тихим голосом просила односельчан об одном — не оставлять её внучат на произвол судьбы и помочь им найти мать...

22 мая 1944 года

Примерно в 10 утра дверь открыли конвоиры. Они спросили, есть ли умершие. Мы ответили, что есть. Конвоиры сказали, чтобы мы оставили труп на насыпи. Мы так и сделали — старушку предварительно завернули в простыню и зашили. Старшие прочитали молитву.

Через минут 20 состав тронулся. И пока он медленно набирал скорость, я успел увидеть, что из других вагонов оставили такие же свертки. Сосчитал 16 таких свертков. Среди них были такие, что было ясно — в них завернуты дети...

Где-то через час-полтора мы транзитом, не останавливаясь, проехали какой-то большой город. Я не успел прочесть название станции, так быстро ехал состав.

Белые свертки вдоль железнодорожного полотна ещё долго снились мне. Днём, во время движения состава, когда нас везли в неведомые края, я глядел в окошечко и представлял себе весь этот долгий, длинный путь по железной дороге, а вдоль неё многочисленные белые свертки разной длины...

Сейчас мне за 80, и я до сих пор очень ясно и чётко представляю этот путь нашего следования в никуда, особенно эпизоды — простынные шпалы, виденные мною в тот день 22 мая 1944 года. После того дня я дал себе слово не смотреть на это жуткое зрелище. Хотя поневоле приходилось наблюдать подобную картину еще не раз: и 27, и 30 мая, и 1, и 3 июня. Но я уже не задерживал взгляда на белых свертках и, тем более, не считал их.

В конце дня состав остановился на небольшой станции. Даже не станции, а полустанке. Конвоиры вновь открыли двери и сказали, что пока паровоз заправляют водой, после специального сигнала можно пойти и набрать два бидона воды для питья. И впредь тоже, когда на это будет разрешение, можно будет набирать в эти бидоны воду.

Впоследствии, раз в 3–4 дня, мы таким образом набирали воду. За все время движения, то есть за эти 19 дней, два раза был предложен кипяток. За все время четыре раза давали мучную баланду. Один раз дали хлеб — 5 буханок на весь вагон. Щедрости и милосердию власти не было границ...

23 мая 1944 года

Весь день ехали, нигде не останавливаясь. Проезжали какие-то крупные населенные пункты. Мелькали открытые семафоры, сменялись большие и маленькие станции. Состав со свистом, с шумом «пролетал» мимо них, особо не сбавляя скорость. Видимо, такая была установка. За ночь состав раза два–три притормаживал, но не останавливался.

Самое важное для нас было то, что мы уже наверняка знали: нас не расстреляют. Всё остальное как бы вторично. Хотя, как сказать... Когда элементарно вода становится проблемой, когда полная неизвестность — куда везут, зачем везут. Наши разговоры были всё о том же. По вечерам, чтобы не мешать другим и придерживаясь некой предосторожности (все помнили, в какой стране живут), говорили шёпотом.

О прошлой жизни — ни о хорошем, ни о плохом — не вспоминали. Вся озабоченность и страх были связаны с настоящим и будущим...

24 мая 1944 года

Около 10 часов утра состав начал тормозить, и поезд остановился. Конвоиры с шумом сняли щеколды и разрешили раздвинуть двери вагонов. Солдаты сказали, что будем стоять примерно час. Люди стали разводиться огонь. Мы тоже устроили аж два очага. Варили картошку, готовили — у кого что было.

Мне удалось познакомиться и даже сблизиться с охранником нашего вагона. Он сказал, что им не разрешено входить в контакт с «пассажирами», а разговаривать только в исключительных случаях, когда, например, нужно забрать умершего.

Солдата звали Константин. Он был родом из Крыма. Из его отношения к нам, из его слов сквозило явное сочувствие. Костя пообещал не вставлять шплинт в задвижку дверей вагона, но в то же время предупредил, чтобы мы не высовывались и не свешивали ноги из вагона, особенно на поворотах железной дороги. Это мог увидеть старший офицер (начальник состава-поезда), который регулярно делал обзор движущегося состава на поворотах, и не просто пресечь эту поблажку, а и всех, особенно конвоиров, наказать.

Мы обещали Косте соблюсти все предосторожности, и, действительно, открывали двери полностью только тогда, когда состав двигался по прямой. Вот так, почти целый день, а тем более ночью, ехали с открытыми дверями. До самого Ташкента, когда дежурил Костя, мы ехали, имея возможность дышать свежим воздухом — даже он был целым достоянием в тех кошмарных условиях. Нас, к счастью, ни разу не «застукали». Мы, мальчишки, были довольны, что не подвели Костю.

25 мая 1944 года

У нас ночью умерли два малыша-грудничка. Один, оказывается, умер еще вечером, но молодая мама не выпускала его из рук. Всю ночь она просидела с мертвым ребенком, то ли не желая мириться с его смертью, то ли, зная, что больше никогда его не увидит, не спешила проститься с ним навсегда.

Другой малыш с вечера долго и не переставая то тихо хныкал, то в голос плакал на руках у другой, по возрасту куда более старшей, мамы. Во второй половине ночи он умолк, а к утру умер. Молодая мама, увидев, как этого малыша зашивают в материал, тоже отдала своего мертвого малыша...

К вечеру состав начал тормозить и остановился на каком-то разъезде. Выходить из вагонов не разрешили, но мне удалось в щель крикнуть проходящему мимо охраннику, что у нас умерло двое младенцев. Когда состав тронулся с места и начал медленно набирать скорость, охранник прибежал и сказал, что оставляет дверь открытой: когда стемнеет и поезд будет проезжать по длинному мосту через большую реку — а состав будет двигаться очень медленно, — чтобы мы по команде на ходу сбросили эти два белых свертка с трупиками вниз в реку.

Молодая мама, которая всю ночь продержала мертвого малыша, прижав его к груди, все время молчала. Потом она начала кричать и требовать, чтобы ей вернули ребенка. Когда старушки (битайки) зашивали трупики детей в ткани, наподобие пелёнок, мы, мальчишки, устроили своего рода слежку за двумя мамами умерших младенцев и старались делать так, чтобы они этого не видели.

Потом, когда из тамбура прозвучала команда, мы также выстроились перед дверьми и образовали непроницаемую

«стенку», чтобы эти мамы, а также маленькие дети не видели, как трупы выбрасывали из вагона. А выбрасывали их неизвестно куда, в страшную темень. Бросить свёртки с телами так, чтобы они упали в реку, было непросто. Они могли не долететь или удариться о пролеты и потом, неизвестно сколько, лежать на мосту.

Молодая мама словно заметила эту трагичную ситуацию, и, причитая, приговаривала: «Баламны кьайтарньыз!» (верните мне моего ребенка). Затем внезапно и пронзительно выкрикивала что-то непонятное, и снова причитала. Конечно, слышать это, смотреть на происходящее с ней для нас было шоком.

Через два дня ее сняли с поезда. Пришли офицер, немолодая женщина-фельдшер и солдат. Feldшер сделала визуальный осмотр молодой мамы и сказала, что её нужно показать специалисту. Обезумевшую от горя и оставшуюся одну женщину увели.

Ещё через два дня, когда состав в очередной раз остановился, я в окошко увидел, как впереди, одного

человека на носилках, а двух других, в том числе молодую маму из нашего вагона, под руки, завели в здание станции. Наверно, их держали в санитарном вагоне. Когда мы тронулись и выровнялись с этим местом станционного здания, я увидел, что это медпункт. Снятых с эшелона троих больных оставили там. Вряд ли они потом смогли вернуться к своим семьям или землякам...

В вагоне из разговоров старушек я услышал, что мужа этих двух мам в годы оккупации были в партизанах — говорилось о Зуйском отряде. А когда в апреле Крым освободили, мужа присоединились к наступающей Советской армии и ушли воевать. От них даже пришли письма о том, что они продолжают идти на Запад. Знали ли, могли ли предположить крымские бойцы, что в это время вытворяла власть, за которую они проливали кровь, с их жёнами, детьми, родителями? Если только увидеть в кошмарном сне — и то, вряд ли...

26 мая 1944 года

Весь день ехали без остановок. Благообразные дедушки — кьартбалабар, и чинные бабушки — кьартаналар в белых лёгких накиджах-марама читали молитвы по умершим и просили Аллаха принять их безвинные души, читали и по живым, прося для них милосердия.

Один дедушка — в традиционном национальном крымском кьалпаке, с белой бородой, с глубокими морщинами, колоритной кипчакской внешности — хоть и держал на коленях Коран, но читал молитвы наизусть. Он завораживающе качал головой, шевелил губами, а глаза его были закрыты. Я удивлялся, как он так долго шепчет, не останавливаясь, как много знает, как он смог столько выучить.

Мне казалось, что он знает наизусть весь Коран. И действительно, он открывал Коран на начальной странице, но потом ни разу, в течение нескольких часов, так и не перелистывал его. Закончив же чтение троекратным повторением слова «Аминь!», он закрывал священную Книгу на той же странице, с которой открывал. Мы все поддерживали его и тоже повторяли вслед за ним «Аминь!».

В конце дня состав остановился в степи. Вдали видно было какое-то поселение — похоже, небольшая станция. Потом мы ее проехали, не останавливаясь. А здесь, на месте остановки, нам объявили, что будем стоять два часа. Поэтому все, кто мог, стали

привычно разводил ога. Что-то пытались приготовить из того скудного запаса, что был под рукой.

Кто-то под вагонами, и в первую очередь дети, устраивали туалет. Это, конечно, очень отличалось от того, чтобы справлять нужду в вагоне. Как и предупреждали, через два часа состав начал трогаться. Охранники до этого быстро позакрывали все двери в вагонах.

Вечером, когда начало темнеть, наш эшелон на большой скорости проехал большой город. Долгие, мерцающие взброс огни показались мне такими чужими, что естественный интерес увидеть его днём погас вместе с ними. Эшелон вновь погрузился во мрак неизвестности...

27 мая 1944 года

Сегодня утром скончался один тех благообразных дедушек — къартбаба. В течение 2-3 последних дней мы, словно тимуровцы в экстремальной ситуации, поочередно поили его из ложки, хоть он уже почти ничего не ел.

В полдень остановились на небольшой станции. Как обычно, не доезжая до семафора, там, где раздваиваются железнодорожные пути. Двери всех вагонов были открыты. Офицер и два солдата конвоя, идя к хвосту поезда и открывая двери, говорили: «Если есть трупы, положите их вдоль железнодорожного полотна, из вагонов не выходить». На обратном пути эта конвойная группа закрывала двери и подгоняли тех, кто ещё не успел залезть в вагон.

Весь этот день, в общем-то мало чем отличавшийся от предыдущих, в нашем вагоне прошел в каком-то жутком и гнетущем траурном молчании. Только чуть-чуть было слышно, как белобородый къартбабай под уже привычный стук колес читает молитву. Даже мы, не умевшие не шуметь мальчишки, разговаривали шёпотом.

Я опять, конечно же, мельком, видел уже не только белые, а больше серые, и даже черные свёртки вдоль железнодорожного полотна. У невольных пассажиров зловещего эшелона уже не оставалось белых простынь и пелёнок, чтобы оборачивать умерших близких.

28 мая 1944 года

Под утро пошел дождь. Дышать стало легче. Предыдущие 2-3 дня стояла редкая для конца весны духота. Когда мы могли открыть двери, это был для нас своеобразный праздник. Дождь лил почти весь день. Раскаты грома временами напоминали громыхание войны, бомбежку.

Два раза в течение дня состав притормаживал, но не останавливался. Вечером оказались на какой-то небольшой станции. Конвойные объявили, что по четыре человека из каждого вагона могут пойти за кипятком.

Мы в своём вагонном 40-литровом бидоне, заполненном чуть меньше половины — большой объём нести нам, ослабленным подросткам, было тяжело (мы и так тащили его попеременно, почти по земле), — принесли около 15 литров кипятка. По дороге, волоча полузаполненный бидон, мы покрикивали друг на друга. Боясь продырявить его о камни, винили напарника в слабости.

Одна бабушка — къартанай достала из своего бумажного кулька какую-то траву, размельчила её руками и завернула в кусочек двойной марли. В этот день мы пили чай. Къартанай назвала траву «чэль чайы». Я в жизни, ни до, ни после, такого ароматного и такого приятного чая не пил. Эта же къартана, чтобы довершить своё невероятно сердечное в тех условиях, почти волшебное дело, достала откуда-то из глубин баула стеклянную баночку, покрытую компрессной бумагой, обвязанной ниткой, и угостила детей её содержимым, дав каждому по чайной ложке меда.

В последующие дни, вплоть до прибытия в Ташкент, мы мечтали о том мгновении, когда нам ещё раз дадут кипяток и мы сможем попить бабушкин ароматный чай с медом. Жара и духота, установившаяся после того дождя, только стимулировали эту бесхитростную детскую мечту.

29 мая 1944 года

Всю ночь ехали без остановок. Утром приехали на очень большую станцию. Я насчитал восемь путей. На некоторых путях уже стояли составы — такие же, как и наш, со скотскими вагонами. Через вентиляционные решетки (окошки), мы начали переговариваться с соседним вагоном.

В этом вагоне находились люди из Фрайдорфского района. Вагон у них был такой же, как и у нас, но их там поначалу было 104 человека. А на двенадцатый день остался 81 человек. Мы ужаснулись, представив, в какой тесноте и антисанитарии они вынуждены находиться. Ведь у нас все располагались по периметру вагона, а середина оставалась свободной — и не важно, для чего, хотя бы для циркуляции воздуха.

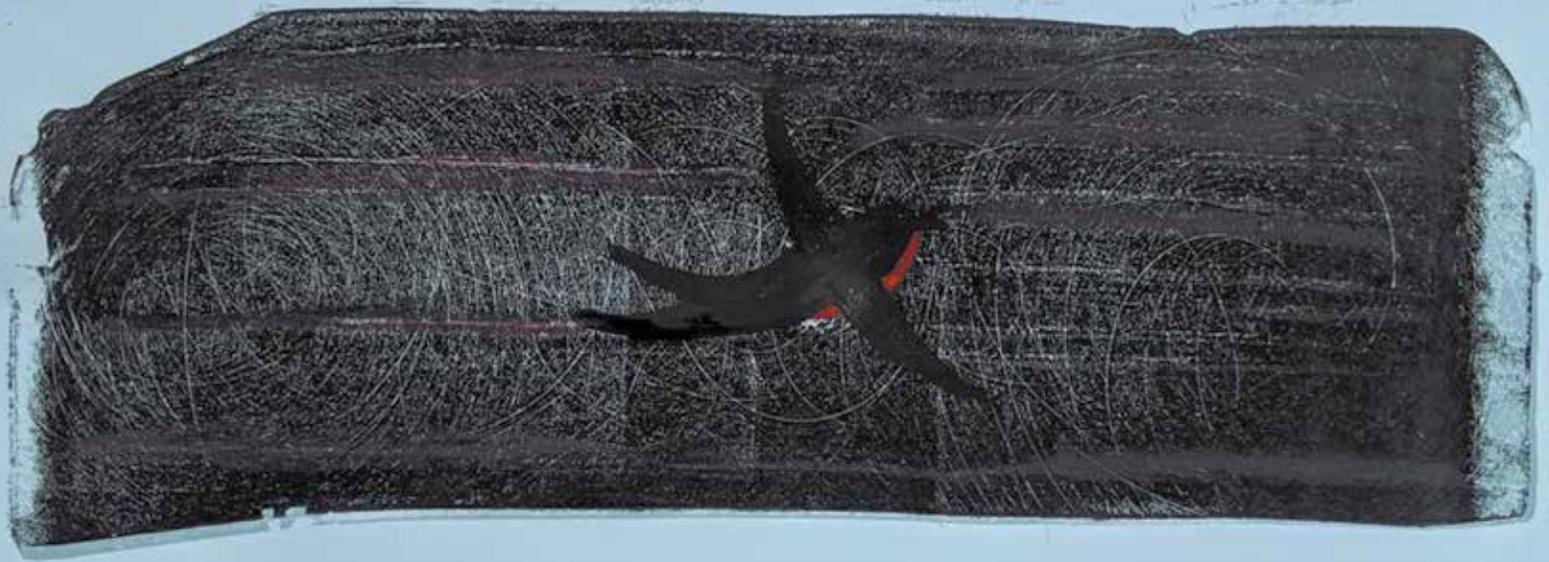
Ехать много дней без этого спасительного санитарного мейданчика — своеобразного «плаца» в середине вагона, ехать в жёстко ограниченном пространстве, натурально как хамса в бочке, — это само по себе уже такое наказание, что хуже некуда. Можно было бы палачам уже вернуть свои жертвы домой как отбывших срок, небольшой, но чудовищный по своим антижизненным условиям.

Но куда там! «Самый гуманный» строй и режим продолжал геноцид по отношению к собственному народу. Впоследствии я встречался с фрайдорфскими ребятами в Чирчике, с двумя из них работал в котельном цехе завода «Узбекхиммаш». Об адской дороге в ссылку они вспоминали с неподдельным ужасом...

Нам разрешили открыть двери и сказали, что будет кормежка. При этом строго приказали, чтобы никто из вагонов не выходил и, зная, что люди в первую очередь покидают вагон по нужде, особо сказали о воздержании от отправления естественных надобностей — конечно же, за пределами вагона. Предупредили, что если кто-то нарушит запрет, двери этого вагона закроют и кормёжки не будет. Тоже самое было сказано узникам соседних составов.

Около часу дня в бидонах принесли обычную баланду — мучную присыпку в воде. Какая бы пресная, бескалорийная и противная она ни была, люди ели её, чтобы поддержать себя физически, полагая, что это лучше, чем ничего. Мы с мамой тоже поели это варево, но со своими сухарями, которыми каждый раз делились с ближайшими соседями.

30 мая 1944 года

Этот день мне очень запомнился тем, что в этот день умер дедушка — къартбабай, который наизусть читал Коран. Ещё утром мы слышали, как он читал молитву, но читал как-то необычно — часто останавливаясь, временами глубоко вдыхая воздух, потом снова продолжая.

Его внятный поначалу шёпот становился все тише и тише. Потом он затих. Мы не сразу обратили внимание на его молчание — подумали, что дедушка заснул. И только через 2-3 часа его невестка с тревогой в голосе сказала: «Къайнатам индемей, гъалиба ольди» (свёкор молчит, не реагирует, кажется, умер). Действительно, он так и умер сидя, прислонившись к борту вагона.

Вечером мы остановились на каком-то разъезде. Умершего оставили на откосе железнодорожного полотна. Когда бездыханного къартбаба, завернутого в подручную серую ткань, опускали на железнодорожный откос, я, помимо воли, глянул вправо и влево от себя. Читать не стал, но снова заметил: «свёртки» лежали возле каждого вагона.

Молитву читали бабушки. Многие плакали, потому что в этот день произошло особенное — мы потеряли не просто старейшего среди нас. Мы потеряли нашего духовного отца.

Как рассказала мне чуть позже невестка, которую звали Амиде, у её свёкра — дедушки Менумера, — на фронтах, защищая Родину, воевали два сына и зять. В каждой семье из тех, кто ехал в нашем вагоне, на фронте находился кто-то из членов семьи. А в некоторых семьях Победу ковали по два-три близких человека. Они рисковали своей жизнью, в то время как Родина, во всяком случае те, кто ею от имени народа рулил, пытались отнять жизни самых родных для них людей.

Так и мы с мамой, пока её муж и мой отец майор Осман Казенбаш проливал свою и вражескую кровь, чтобы освободить Родину от фашизма, его семью освободили от присутствия на любимой Родине. Мы ехали дальше, навстречу новым испытаниям, если не сказать пыткам...

31 мая 1944 года

Этот день мне запомнился, помимо прочего, тем, что в этот день мы с моим другом Певзи искупались. Дело было так. Где-то часов в 11 дня мы остановились на небольшой станции. Конвоиры сказали, что паровоз будет заправляться водой, соответственно, и нам тоже, поочерёдно, можно набрать воды.

Когда очередь дошла до нашего вагона, мы два раза принесли по бидону воды. Там, у станционного крана, увидели как в баки паровоза «хоботом» — гофрированным шлангом диаметром 10-12 сантиметров, — наливают воду, а рядом находится отводящий шланг с двумя краниками. Мы спросили у стоящего здесь мастера, пожилого однорукого человека, можно ли полить друг друга водой. Сказали, что уже две недели не умывались, не купались.

Он нам разрешил, и в промежутках, когда напор был хороший, а разбор шел маленький, мы «поконались», кому купаться первым. «Покопаться» — это три раза спрятать камушек в руках. Кто больше отгадал, тот и выиграл. Выиграл Певзи, я стал вторым.

Мы разделись до трусов и ополоснулись. Безрукий мастер, видя, какая малопрозрачная вода с нас течет, дал нам, наверное, за смелость и стремление быть чистыми, откуда-то взявшееся мыло. Излишне говорить, насколько оно было кстати.

Когда мы пришли в вагон и состав тронулся, глядя на нас, все почему-то стали смеяться. Это случилось первый раз за четырнадцать дней дороги. А мы с Певзи смотрели друг на друга и смущались, не понимая, чему смеются наши «совагонники».

И только когда одна старушка — битай, из числа тех, кто обыкновенно читали молитвы, сказала: «анавы Нарикке (это обо мне) кьараньыз, бем-безд болды. Джувунып кельди. Вай, машалла! Машалла! Савлыкь сувлар болсын!..» (посмотрите на Нарика, какой он белый стал — искупался. Молодец, просто молодец! С лёгким паром!).

1 июня 1944 года

Еще вечером накануне одной битайке стало плохо. По её словам, ей не хватало воздуха. Поэтому, посоветовавшись, мы решили взять её к себе на полку. Потеснившись, расположили её недалеко от окошечка. Как я попозже узнал, она родилась в 1866 году в деревне Айдаргъязы, а вышла замуж за парня из деревни Ташке.

Её родители были зажиточными, состоятельными людьми. Но в годы коллективизации их, пребывающих уже в преклонном возрасте, под 90 лет, выслали в неизвестность. Она осталась благодаря тому, что её муж считался бедняком.

До 12 часов ночи я, по обыкновению, как предыдущие 15 ночей, немного поспал в сидячем положении. А после 12-ти уже лёг и стал видеть сны. Один из них хорошо запомнился — впечатлил меня.

Какая-то большая, широкая река. По ней, покрывая всю водную поверхность, медленно-премедленно плывут белые свертки — завернутые в ткань умершие узники нашего и многих других вагонов, эшелонов смерти. Река смыла эти трупы и трупики с откосов бесконечно тянущихся железнодорожных полотен.

Среди этих свертков плыву не только я. Рядом барахтается и Певзи, с которым мы купались накануне под шлангом. Но здесь он плывёт странно — то исчезает, то всплывает и пытается плыть. Мне становится страшно от мысли, что я могу остаться один...

Утром несколько человек сказали, что я во сне что-то бессвязно говорил, странно бормотал, звал Певзи. Для меня этот день оказался одним из самых тяжелых. Я весь день путался в мыслях и никак не мог разобраться, где сон, а где не сон. Ведь река — это реальность. Трупы вдоль железнодорожной насыпи — тоже реальность. Сон иногда может оказать такое сильное впечатление, что психика человека на самом деле как бы мечется между различными убийственными реалиями, подсознательно соединяя их в один страшный сюжет.

2 июня 1944 года

Сегодня утром, когда состав затормозил, а потом остановился, двери открыл наш охранник и, можно сказать, друг Костя. От него кое-что удалось узнать. Во-первых, он сказал, что через несколько часов на какой-то узловой станции составы будут укрупнять. К нашему составу должны прицепить еще 10-15 вагонов и ещё один паровоз. Еще он сказал, что мы сейчас едем по Средней Азии, по Казахстану, а конечный пункт следования — Ташкентская область. Какой именно город или село он не сказал, потому что сам не знал.

Действительно, в полдень остановились на какой-то станции и началось что-то невообразимое: составы начали таскать туда-сюда, вагоны то цепляли, то отцепляли. Гудки, свистки, шум от удара массивных железяк, крики. Спасибо Косте, что предупредил. Двери он оставил открытыми, но мы даже на минуту не хотели оставить свой вагон — расстаться с родными в такой ситуации очень легко.

Мое сообщение о том, что через два-три дня наши вагонно-дорожные мучения закончатся, людей немного обрадовало. Хотя никто не знал, что нас ожидало дальше и насколько ссыльная жизнь будет легче или тяжелее того, что было в нашем многодневном пути.

От мысли, что ждать осталось всего два-три дня, даже невероятная духота, жара, нагнетаемые дыханием бескрайних знойных степей и близкой пустыни, стали переноситься моими односельчанами, жившими недалеко от моря, как-то легче. Казалось, хуже вагонной душегубки уже ничего быть не может. Как потом мы узнали, в те дни жара доходила до 42-44 градусов.

3 июня 1944 года

Бабушка родом из Айдаргъазы попросила, чтобы мы её не снимали с верхней полки. Мы устроили её еще лучше. Кто-то даже предложил ей матрасик — миндерчик. Оставшиеся дни она так и ехала: то дремала, то спрашивала, а точно ли осталось ехать два-три дня.

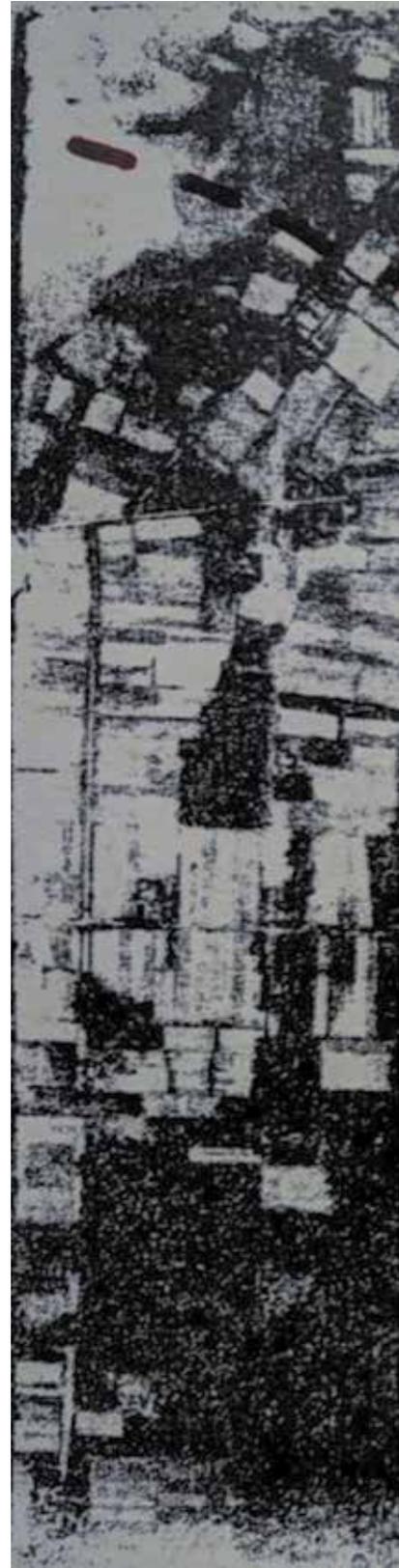
Потом, когда мы оказались уже в поселке Таваксай, на пятый, не считая дороги, день ссылки она скончалась. В тот день было шесть похорон, дженазе. По мусульманским обычаям хоронили четверых крымских татар и двоих дедушек чеченцев. Чуть подробнее об этом я напишу ниже.

Кто-то из ребят нарушил мой календарь — добавил невзначай две зарубки и получилось на 2 дня больше. Но я знал свои зарубки, к тому же был дневник. Поэтому я точно подсчитал: мы ехали семнадцатый день. Мальчишек я предупредил, чтобы они, умышленно или по незнанию, такие пакости не делали.

У нас с мамой осталось шесть сухариков. Она сказала: «дёртю санъа, экиси манъа» (четыре тебе, два мне). Это наш запас на оставшиеся дни до прибытия на конечную станцию. Кроме того, у нас был НЗ, неприкосновенный запас — кусочек жмыха.

Такая ситуация с продуктами, и даже хуже, была и у остальных в вагоне. У большинства вообще ничего не осталось. По настоянию матери, знавшей, что такое голод не понаслышке, сухари я ел, пропитав их хорошенько слюной, чтобы не хрустели и чтобы этот звук никого не дразнил.

Никогда не забуду: люди передвигались по плац-пятачку посреди вагона по очереди, по одному-два человека — большому количеству пройти было просто невозможно. Люди были, как тени. Я не могу, я бессилён это еще описать...

ТАБАКСАЙ

4 июня 1944 года

Двери снова открыл Костя. Вообще-то, они были приоткрыты. Его напарник, оказывается, приболел. Костя сначала сказал «лихорадка», а потом поправился и сказал «малярия». Я такую болезнь слышал впервые и спросил у мамы. Она очень встревожилась и категорично сказала, чтобы я с Костей близко не общался.

Костя выглядел бравым солдатом. У него был свежий белый подворотничок. Он сказал, что забыл взять автомат (нарушение инструкции). И быстро ушел. Потом так же быстро вернулся. И успел мне шепнуть, что на следующей станции будем стоять минут сорок, можно что-нибудь выменять на продукты.

Действительно, на этой станции мы стояли не меньше получаса и нам кое-что удалось сделать. Машины кожаные туфли я, по её настоянию, выменял на буханку хлеба и 8 вареных картофелин. Многие из нашего вагона также сделали обмены. Одну картофелину и кусочек хлеба я сразу отдал бабушке из Айдаргъазы. У неё еще были кое-какие запасы, но ей все равно было приятно. Её глаза наполнились слезами — не обычной благодарности, а куда более возвышенного чувства сочеловечности.

Все люди на протяжении всего страшного пути делились друг с другом, можно сказать, всем, что есть. Ожидание

неизвестности, общая беда, общая участь, осознание принадлежности к одной нации, к одной вере, ставшей поводом для «наказания» — независимо от степени преданности этой стране и этому режиму, — смогло объединить всех как ничто иное. Даже во время войны не было такого единения. Конечно, все надеялись на что-то, все думали, что не сегодня–завтра придёт некий уполномоченный властью человек и скажет, что произошла ошибка...

И ещё я тогда подумал: какой Аллах всемогущий, милостивый, милосердный, благородный, что захотел и создал человека с таким большим запасом физической и духовной прочности.

5 июня 1944 года

Дневник отняли.

Сегодня я с 5 часов утра не отхожу от окошка. В течение примерно двух часов состав сделал 15 остановок, все время пропуская то встречные, то попутные пассажирские и товарные поезда. Нигде дверей не открывали. Наконец, очередная остановка, и я читаю: «Станция Салар».

Вагоны так и не открывали, но оцепили несколько вагонов. Дальше пошли остановки: Ялангач, Кибрай, Боз-су, Чирчик, Нижний Комсомольск, Верхний Комсомольск, Аранча, Азадбаш, и, наконец, станция Паргос.

Дальше паровоз пошел с одним пассажирским вагоном, в котором, как мы догадывались, сидели охранники. С Костей мы расстались как друзья. Когда отцепили наши вагоны, он пришел попрощаться. Между прочим, мою маму он называл не иначе как Хатидже апте — ведь он был парнем из Крыма, и хотя по крымскотатарски не говорил, но многое из сказанного понимал.

Когда на станции Паргос открыли двери, там стоял уже знакомый нам офицер — начальник поезда с двумя автоматчиками, а также лейтенант-узбек. Вместе с людьми в военной форме было и человек пять в гражданском. Мы потом узнали, что это были представители районной власти и сельского совета. Чуть поодаль стояли и празднующие. Их было немного. Наверное, их предупредили, чтобы они на всякий случай держались подале от «страшных предателей».

Начальник поезда попросил у нас список людей, который было приказано сделать ещё в начале пути. Я принес эти листки, а они были в моем дневнике. Увидев свежие записи, офицер спросил, что это. Я сказал, что это мои школьные заметки. Он попросил дневник, полистал два-три листка и сказал, что обманывать старших нехорошо.

Он отдал дневник Рахимову — лейтенанту, ставшему нашим первым спецкомендантом, который возглавил спецкомендатуру, куда мы, спецпереселенцы, ходили расписываться, что обязуемся не отлучаться без его разрешения далее, чем на 20 километров от постоянного места жительства и регистрации.

Рахимов сказал, что посмотрит и вернет. Но так и не вернул.

Когда же я заикнулся об этом, он вызвал маму (это было уже в конце 1944 года, зимой) и сказал, чтобы она сделала мне внушение. Вот так я прокололся с дневником. В нём химическим карандашом было написано значительно больше и куда подробней, чем я пишу сейчас. У меня ни в партизанском отряде, ни в подполье, в котором мы участвовали с мамой, не было ни одного прокола. Это, конечно, другая тема, но я говорю об элементарной и досадной неосмотрительности.

Утрату дневника я перенес очень тяжело. И не столько тогда, у вагона, когда его у меня, практически силой, отобрали, сколько гораздо позже, когда я, повзрослев, увидел и понял, что режим ссылки упрочивается, что тоталитарная власть и не думает возвращать наш глубоко несправедливо и жестоко репрессированный народ на историческую родину.

В общем, нас пересчитали по головам, как баранов, а не по списку, не по фамилиям, как людей — пусть даже неблагонадежных по их понятиям. Один расписался, что сдал, другой, что — принял. И так каждый вагон. А выгрузили нас на конечной станции четыре вагона.

В тот же день нас расселили в пустых бараках — бывших казармах, на цементном полу. Никаких коек, никаких подстилок — ничего не было. Мы потом сами нанесли солому и первую зиму 1944-45 провели в этих бараках. Надо сказать, одну из самых холодных зим в депортации.

...В то время это место называлось: Южно-Казахстанская область, Бостандыкский район, посёлок Таваксай — железнодорожная станция Паргос.

А в это время на фронтах...

Шла страшная депортация, которую спустя 45 лет (1989) верховный орган той же страны, которая её хладнокровно совершила, назовёт преступной. Хотя она изначально была преступной – с того момента, когда была ещё задумана. Преступной, в том числе, с моральной точки зрения – поскольку изначально была в высшей степени аморальной и несправедливой.

И не только потому, что эта гнусная операция реализовывалась в отношении совершенно мирного населения – детей, женщин, стариков, инвалидов. Но также потому, что в это время десятки тысяч крымских татар – отцов, матерей, дочерей, братьев, сестёр насильственно переселяемых людей -- сражались на всех фронтах самой кровавой в истории войны, приближая победу, долгожданный мир и связанные с ним простые человеческие надежды.

Посоветовавшись с редактором газеты «Къырым» Бекиром Мамутом, а также с соратниками по ветеранской организации крымских татар, я пришёл к мнению о необходимости параллельной публикации в данной книжке самых важных, на мой взгляд, данных, взятых из свидетельств очевидцев, трудов наших писателей, разработок историков и других материалов, которыми мы располагали на момент, когда пишутся эти строки.

Предлагаем вашему вниманию:

- а) списки героев Советского Союза, полных кавалеров орденов Славы 3-х степеней, кавалера 4-х медалей «За отвагу»;
- б) списки героев, которые были представлены, но не награждены;
- в) список некоторой части тех, кто героически сражался и был награждён, но по разным причинам эти заслуженные награды так и не получил.

Герои Советского Союза, кавалеры 3-х орденов Славы и 4-х медалей «За отвагу».

Аметхан Султан.

Родился 25 октября 1920 г. в Алупке.

Принимал участие в советско-нацистской войне с самого начала и до победного конца. Совершил 603 боевых вылета, принимал участие в 130 воздушных боях. По официальным данным лично сбил 30 и в групповых боях 19 самолетов противника. Не официально – значительно больше. Удостоен звания героя Советского Союза дважды, награждён тремя орденами Ленина, пятью орденами Боевого красного знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной звезды, Знак почёта и многими медалями. Дважды лауреат Государственной премии, Заслуженный летчик испытатель.

Погиб при испытательном полете 1 февраля 1971 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Активный участник национального движения крымцев за возвращение на историческую Родину.

Тейфук Абдуль.

Родился в 1915 г. в Партените.

В 1940 г. добровольно пошел служить в Красную армию и закончил военное училище в г. Орле. С июля 1941 г. в звании младший лейтенанта принимал участие на фронтах: в обороне Сталинграда, в составе Второго, Третьего Украинских фронтов, в форсировании Днепра.

За успешное завершение войсковой операции и занятие очень важного плацдарма, за проявленное при этом мужество и героизм, за умелое командование 20 декабря 1943 г. ему было присвоено звание героя Советского Союза. Награждён орденами Ленина, Красной звезды, Отечественной войны II и I степени.

Майор Абдул Тейфук погиб 18 марта 1945 г. на территории Германии. Был перевезён во Львов и похоронен на Холме Славы (Аллея героев).

Узеир Абдураманов

Родился в 1916 г. в с. Буюк-Онлар (после преступного выселения крымских татар переименован в Октябрьское).

В 1939 г. призван в армию, где и встретил начало войны. Принимал участие в обороне Сталинграда, Донском, Центральном и Белорусском фронтах. Несколько раз был ранен, но вновь вставал в строй. Строил переправы на реках Десна, Сож, Днепр.

Звание героя Советского Союза было ему присвоено 15 января 1944 г. за проявленное мужество и героизм на полях сражений. 15 февраля того же года Узеир Абдураманов был направлен на краткосрочные курсы военных инженеров, а 25 апреля в Кремле ему вручили звезду героя.

Несмотря неординарные заслуги и проявленный героизм, Узеиру Абдураманову не разрешили вернуться на Родину в Крым.

Он умер в 1992 г. и похоронен на чужбине -- в г. Навои (Узбекистан).

Активный участник национального движения.

Фетислям (Анатолий) Абилов.

Родился 15 марта 1915 г. в деревне Джадра Шейх-Эли (после преступного выселения крымских татар переименован в Ударное) Джанкойского района. В 1936 г. был призван в Красную армию. С сентября 1941 г. и до дня победы был на фронтах. В 26 лет уже командовал полком. Несколько раз был ранен и контужен. Награждён четырьмя орденами Боевого красного знамени, III степени Суворова, III степени Кутузова, орденом Ленина, одной из самых высоких наград Польши -- золотой медалью «Граф Помбрекло» и другими.

Дважды был представлен к званию герой Советского Союза. Но оно было присвоено ему только во время празднования 45-летия победы (1990 г.) по указу М. Горбачёва. Скончался в 2005 году. Похоронен в Москве.

Сеитибраим Мусаев.

Родился в 1920 г. в деревне Арпат (после преступного выселения крымских татар переименован в Зеленогорье) Судакского района. В начале войны был призван в армию, был командиром отделения. Участвовал в боях за Крым, Новороссийск. После очередного ранения лечился в госпитале на Кубани, затем вновь вернулся на фронт. Участвовал в кровопролитных боях за освобождение Керчи от немецко-фашистских захватчиков.

22-23 ноября 1943 г. в Керчи во время ожесточённой атаки немцев С. Мусаев погиб, героически защищая город. За проявленное в бою мужество 16 марта 1944 года Сеитибраиму Мусаеву посмертно присвоено звание героя Советского Союза.

Абдураим Измайлович Решидов.

Родился в 1912 году в деревне Мамашай (после преступного выселения крымских татар переименован в Орловку) Бахчисарайского района.

Подполковник А. Решидов в годы войны был командиром эскадрильи, заместителем командира авиаполка, затем командиром авиаполка бомбардировщиков. Воевал с первых дней войны, совершил 222 боевых вылета.

Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, А. Суворова, А. Невского, «Крестом Чехословацкой республики». За проявленные мужество, отвагу, героизм Абдураиму Решидову 27 июня 1945 года присвоено звание героя Советского Союза.

Несмотря геройское звание, А. Решидову, как и сотням тысяч крымских татар, дорога на Родину была закрыта. Лишь спустя многие годы сбылась заветная мечта славного летчика. Абдураим Решидов вернулся в родной Крым и до конца жизни (1982 г.) прожил в Симферополе.

Активный участник национального движения.

Сеитнафе Сеитвелиев.

Родился в 1919 г. деревне Тав-Кипчак (после преступного выселения крымских татар переименован в Баланово) Зуйского р-на.

С первых дней войны воевал в стрелковой дивизии артиллеристом. Принимал участие в обороне Сталинграда, воевал в составе 1-го Белорусского фронта. Принимал участие в освобождении от фашистов Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда, на Курской дуге, во взятии Берлина. За проявленные мужество, отвагу и героизм на территории Белоруссии (с. Болотное), за проведение операции, в результате которой было уничтожено 9 танков противника и более 200 вражеских солдат, подавлено около двухсот огневых точек противника старшему сержанту Сеитнафе Сеитвелиеву 25 ноября 1944 г. было присвоено звание героя Советского Союза.

О героическом поступке С. Сеитвелиева писали в газетах, а его командир Казаков рассказал о его боевом пути в своей книге «Артиллерия бог войны».

С. Сеитвелиев после окончания войны работал в Ленинабаде (ныне Ходжент, Таджикистан) на заводе, потом преподавал в школе. Скончался в депортации. Там и похоронен.

Активный участник национального движения.

Алиме Абденнанова (1924 – 1944 гг.)

Родилась в 1924 г. в деревне Джермай-Кашык (после преступного выселения крымских татар переименован в Слюсареве, в конце 1960-х перестала существовать) Ленинского района.

Резидент разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского фронта и Отдельной Приморской армии, руководитель Джермай-Кашыкской подпольной организации. Была выдана и схвачена немецкой контрразведкой, подвержена зверским пыткам в застенках гестапо и казнена незадолго до освобождения Крыма в апреле 1944 г. Через 70 лет и 23 года после распада СССР, 1 сентября 2014 г. легендарной военной разведчице, успевшей за короткое время отправить в Центр около 90 ценных радиogramм, было присвоено звание Герой России.

Кавалеры трёх орденов «Славы»

Сеит-Неби Абдураманов.

Родился в 1914 г. в селе Буюк-Каралез (после преступного выселения крымских татар переименован в Красный Мак) Бахчисарайского района. Воевал с первого дня до победы.

Первую награду -- орден Красной звезды получил за удачно и результативно произведенную глубокую разведку в тыл врага.

За успешно произведенную атаку, за пленение важного «языка» награждён орденом Славы III степени. За успешное подавление вражеского дзота и пленение фашистского офицера, который сообщил ценные сведения, награждён орденом Славы II степени. За проявленные героизм, мужество и смекалку при взятии населённых пунктов Зельхов, Липпе, по предоставлению командира полка награждён орденом Славы I степени.

Кроме этого, за проявленные героизм и мужество в годы войны награждён орденом Красной звезды, медалью «За отвагу» и другими.

Сеит-Неби Абдураманов так и не вернулся на Родину в Крым. Он скончался в Узбекистане, в г. Наманган, где и похоронен.

Участник национального движения.

Насибулла Велиляев

Родился в 1919 г., в селе Ак-Манай (после преступного выселения крымских татар переименован в Каменское) Ленинского района.

После окончания деревенской школы работал в Керчи на заводе. Призвался в армию и попал на финский фронт, где прошел «боевое крещение». Не успев вернуться домой в Крым, находясь в Киеве, застал начало войны. Прямо с Киевского вокзала пошёл в военный комиссариат, а оттуда на фронт.

В звании сержанта возглавлял группу разведчиков. Прошёл дорогами войны через Сталинград, освобождал Одессу, Ковель, Польшу. На его счету десятки успешно выполненных разведок-вылазок. Когда сов. армия вступила на территорию Германии, его грудь украшали уже ордена «Славы III и II степени».

За удачно проведенную операцию и взятие в плен группы фашистских офицеров, в т. ч. генерала, который дал очень ценные показания, вся группа разведчиков награждена орденами Красного знамени, а Насибулла орденом Славы I степени.

В 1970 г. его пригласили в Москву на чествование героев, где Велиляеву вручили именные часы.

Его грудь украшали и другие боевые награды.

Последние годы прожил в г. Антрацит (Луганская область), где и скончался.

Кавалер 4-х медалей «За отвагу»

Абдулькаим Эбулисов

Родился в 1915 году в деревне Ташлы-Яр (после преступного выселения крымских татар переименован в Зелёный Яр) Ленинского района.

В свои полные 25 лет одним из первых добровольно пошел на фронт. Прошёл месячные курсы подготовки танкистов, по окончании сразу был направлен на фронт. Несколько раз был ранен, но после лечения в госпитале вновь возвращался в строй.

Фронтowymi дорогами дошёл до Берлина и принимал участие в его штурме и взятии. За проявленное мужество и героизм четырежды был награжден медалью «За отвагу».

После победы узнав, что его близкие высланы из Крыма, как и весь крымскотатарский народ, он поехал в Узбекистан и нашёл своих близких в Самаркандской области, в местечке Джума.

В 1992 году вернулся в Крым. Но прожил на Родине всего один год. Похоронен в с. Аджи-Кеч (Харитоновка) Симферопольского района.

он поехал в Узбекистан и нашёл своих близких в Самаркандской области, в местечке Джума.

В 1992 году вернулся в Крым. Но прожил на Родине всего один год. Похоронен в с. Аджи-Кеч (Харитоновка) Симферопольского района.

Благодарность

Не могу не отметить, что за прошедший период с начала 90-х об участии крымских татар во Второй мировой войне, на всех уровнях старались либо умалчивать, либо говорили в негативном тоне. В последние годы ситуация начала меняться и нам, ветеранам, и не только ветеранам – всему нашему народу хотелось бы, чтобы такое отношение сохранилось.

Мы, ветераны, благодарны уже ушедшим из жизни Идрису Асанину, Сафтеру Нагаеву, Сейтумеру Эмину, собравшим и издавшим уникальные материалы о наших воинах – светлая им память. Алла рахмет эйлесин.

От имени всех наших ветеранов выражаем признательность АТР, крымскотатарской дирекции ГТРК Крым, коллективам газет «Къырым», «Голос Крыма», «Янъы дюнъя», журналистам, писателям, историкам – всем равнодушным людям, которые по крупицам восстанавливают историческую правду о той страшной войне.

Особая благодарность за работу в этом направлении, помощь нашей организации и подготовку материалов нашим друзьям: Аблязизу Велиеву, Эльмаз Велиевой, Бекиру Мамуту, Рефику Куртсеитову.

Председатель “Республиканской Ассоциации крымских татар - ветеранов войны и труда” Нариман Казенбаш

Приложения.

Протокол обыска (текстовая копия)

1942 г. февраля 10 дня мною инспектором Полиции г. Алушты Санаевым Б. В. в присутствии понятых гр. Абибе Сали, проживающей Салгирная дом 43 и гр. Измайловой Хатидже проживающей дом 46 по Салгирной улице на основании ордена за № 140 от 10/II Полиции г. Алушты произведен обыск в квартире Казенбаш Осман Джаферович год рождения 1907 г., по национальности татарин, по партийности б/п, семейный, в семье жена Османова Хатидже рожд. 1913 г. и 2-ое детей Казенбаш Нариман рожд. 1930 и Рамазанова Муневвер рожд. 1923 г. уроженец г. Алушты в настоящее время проживают Салгирная дом 26 г. Алушта.

При обыске обнаружено:

Мука пшеничная 17 кг

Табак 3 кг

картошка 10 кг

Инспектор: Подпись

Понятые: подпись

Учитывая семью состоящую из 4-х человек все обнаруженные продукты с № 1 по № 3 номер оставить на нужды пользования семьи гр. Казенбаш Осман.

Протокол получил: подпись

Инспектор полиции: подпись

При обыске больше ничего не обнаружено о чем подтверждают понятые присутствующие при обыске.

10/II-42 г.

Подпись

Подпись

Подпись

Перевод слова редактора

Прощайте, наш Нариман агъа...

12-февраля безжалостная смерть вырвала из наших рядов мужественного, доброго, всегда переживавшего за всех нас человека, подлинного патриота Крыма, надёжного друга, общественного деятеля Наримана агъа Казенбаша. Хотя ему шёл 86-й год, он держал себя таким образом, будто у него не было никаких проблем и забот, будто он всё ещё крепкий джигит.

Ещё два-три месяца назад, занятый активной общественной работой в качестве председателя республиканской организации крымскотатарских ветеранов войны и труда, он бодрой походкой заходил к нам в редакцию, с присущим ему всегда приятным тихим голосом, аккуратно подбирая и используя в процессе беседы уважительные слова и мягкую интонацию, поблескивая при этом стеклами дымчатых очков, без всякого назидания давал советы, без всяких условностей вселял надежду...

Оказалось, что за последние четверть века мы очень привыкли к тому, что он рядом с нами, оказалось – всегда ждали теплоту и сочувствие, исходящие из его речи, привыкли слышать его радостный, искренний смех. Когда о некоторых людях говорят: его место никто не восполнит – надо полагать, имеются ввиду именно такие люди, как Нариман агъа. И это ещё больше усиливает горечь нашей потери.

В течение двадцати лет в нашей прессе под рубриками «Сагълыкъ темели» («Основа здоровья»), «Советы табиба» и другими Нариман Казенбаш опубликовал сотни несущих оздоровительный эффект рекомендаций, которые были адресованы тысячам наших соотечественников.

Очередная такая его рекомендация вышла в газете «Къырым» всего за два дня до его смерти. Наримана агъа с нами уже нет, но его советы будут ещё какое-то время выходить и приносить людям пользу.

Он автор целого ряда значащих и интересных воспоминаний, в которых рассказывал о своих родителях, об их и своём активном участии во Второй мировой войне и антифашистском подполье.

В числе этих публикаций опубликованная в той же газете «Къырым» в октябре 2012 года реконструкция его дневниковых записей под названием «Адская дорога». Это оригинальный, неповторимый, впечатлительнее, чем поэма, вербальный памятник нашей национальной трагедии 18 мая. Вернее, это очень важное и, к сожалению, единственное в такой форме его документальное свидетельство.

Надеемся, что мы, его друзья, на основе этих материалов сможем осуществить мечту Наримана агъа выпустить книжку этих воспоминаний.

В связи с кончиной Наримана агъа Казенбаша, который после тяжёлой болезни покинул этот бренный мир, выражаем глубокое соболезнование и пожелания терпения, здоровья его многолетней спутнице жизни Февзие и другим его близким.

Да упокоит Аллах его душу.

От имени его соратников, друзей, членов республиканской организации крымскотатарских ветеранов войны и труда, сотрудников редакции газеты «Къырым» и её читателей – Бекир Мамут.

«Къырым», 2016 г., 17-февраля.

